НОВОСТИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

ДЕРЕК ЛОУСОН

Новости для президента

Дерек Лоусон

Настоящее издание является художественным произведением. Персонажи, диалоги, сюжетные линии, организации, события и обстоятельства, описанные в книге, созданы в рамках авторского художественного замысла. Произведение не является документальным исследованием, журналистским расследованием или утверждением о фактах в отношении конкретных лиц, организаций либо событий. Любые возможные совпадения с реальными лицами, организациями, названиями, общественными спорами, судебными делами или иными обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными. Реплики, мнения и оценки персонажей относятся к художественному повествованию и не выражают позицию автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Оглавление

Перед прологом

Пролог

Глава 1. Ночной мониторинг

Глава 2. Синий контур

Глава 3. Механика преследования

Глава 4. Тень на Лубянке

Глава 5. Европейский транзит

Глава 6. Архитектура монополии

Глава 7. Красный свет

Глава 8. Пустой отказ

Глава 9. Сведение векторов

Глава 10. Изоляция сервера

Глава 11. Поиск обходного пути

Глава 12. Экономическая маскировка

Глава 13. Утро доставки

Глава 14. На столе у Президента

Глава 15. Доклад Государю

Глава 16. Закрытое поручение

Перед прологом

Информационное обеспечение высших должностных лиц государства строится на принципах оперативности, проверки данных и краткости. Руководству страны регулярно поступают материалы из нескольких источников: Администрации Президента, федеральных министерств и ведомств, а также специальных служб. Такой подход позволяет сопоставлять сведения из разных каналов и получать более полную картину происходящего.

На регулярной основе готовятся краткие информационные сводки и аналитические материалы по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, экономики и безопасности. При возникновении чрезвычайных ситуаций информация передается незамедлительно по защищенным каналам связи, без ожидания очередного планового доклада.

Материалы для руководства оформляются максимально лаконично: в начале излагаются ключевые выводы и факты, затем — необходимый контекст и аналитические оценки. При подготовке документов обычно отделяются проверенные факты от экспертных выводов, что позволяет быстро оценить ситуацию и при необходимости углубиться в детали по конкретному вопросу.

Пролог

Дежурная смена Ситуационного центра Президента РФ начиналась в 06:00. В бункере под Старой площадью не было окон, только сплошная стена плазменных панелей, на которых беззвучно пульсировали графики индексов, тепловые карты социальных настроений и сводки новостных агентств.

Генерал-майор Сазонов прошел через двойные шлюзы биометрического контроля ровно в 06:15. Его интересовал только один терминал — консоль интеграции ведомственных сводок, куда стекалась ночная фактура от региональных управлений

ФСБ. За консолью сидел капитан технической службы, методично переносящий данные из синей сети в красный контур — для утреннего дайджеста первому лицу.

— Открой сводку по Приволжскому округу, — приказал Сазонов, останавливаясь за спиной офицера.

Капитан набрал комбинацию на клавиатуре. На экране развернулся текстовый блок: отчет о ночных обысках в молельных домах незарегистрированной религиозной группы. В конце документа значился аналитический вывод местного управления: «Оперативные мероприятия спровоцировали резкий рост социальной напряженности. Фиксируется координация действий так называемых “экспертов-религиоведов” из центрального аппарата РАЦИРС с местными радикальными группировками. Запрашиваем проверку источников финансирования экспертной группы».

Сазонов смотрел на мерцающие строчки. Этот абзац не должен был покинуть пределы ведомственного сервера. Если он попадет в утреннюю «красную папку», у аналитиков Администрации Президента возникнут вопросы. Вопросы приведут к запросам метаданных.

— Выдели последний абзац, — ровным голосом произнес генерал. — Начиная со слов «Оперативные мероприятия».

Капитан послушно выделил текст.

— Удалить. Присвоить гриф «Для служебного пользования», подвид «Локальная оперативная обстановка». В дайджест не включать. Суть события изложить в одном предложении: «В ходе плановых мероприятий пресечена деятельность экстремистской ячейки».

— Товарищ генерал-майор, алгоритм Ситуационного центра требует прикреплять оценку рисков к каждому инциденту с участием более ста человек, — сухо напомнил капитан, не убирая руки с клавиатуры.

— Оценка рисков: нулевая. Инициатива на местах. Исполнять.

Текст исчез. Вместо него появилась короткая, стерильная строчка. Сазонов дождался, пока система подтвердит сохранение изменений и синхронизацию с сервером пресс-службы Кремля. Информация была купирована. Президент получит ровно то, что должен получить — картину стабильной работы правоохранительных органов,

защищающих традиционные ценности. Никаких связей. Никакого РАЦИРС. Никаких упоминаний Александра Дворкина.

Генерал развернулся и направился к выходу. В 08:00 папка ляжет на стол в рабочем кабинете президента. Система работала безупречно, фильтруя шум и отсекая те векторы, которые могли нарушить архитектуру выстраиваемого порядка.

Глава 1. Ночной мониторинг

Интерфейс информационно-аналитической системы «Призма» представлял собой темный экран, разделенный на четыре рабочих сектора. В левом верхнем углу непрерывно обновлялась лента мировых информационных агентств, правый верхний сектор отображал тепловую карту активности в социальных сетях, а нижняя половина монитора была отведена под специализированные запросы и фильтры.

Елена Родионова сидела за терминалом номер восемь в кабинете мониторинга Администрации Президента. На часах светились цифры 02:14. Ночная смена всегда отличалась монотонностью. Задачей операторов было отсеивать информационный шум и формировать первичные справки для утренних докладов. Обычно в это время система фиксировала лишь стандартные колебания индексов на азиатских биржах или дежурные заявления западных политиков.

Система издала короткий звуковой сигнал. На тепловой карте зарубежного сегмента интернета появилось пульсирующее желтое пятно.

Родионова передвинула курсор и развернула лог. Алгоритмы «Призмы» зафиксировали аномальный всплеск трафика и цитируемости в узком сегменте независимых правозащитных платформ и специализированных форумов. Всплеск не был связан с крупными новостными поводами последних суток. Он генерировался вокруг одного конкретного узла.

Пальцы Елены быстро застучали по клавиатуре. Она ввела команду на изоляцию источника. Экран мигнул, выстраивая граф связей. Все векторы сходились на одном доменном имени.

Это был ресурс, позиционирующий себя как архив независимых расследований. Родионова ранее сталкивалась с подобными сайтами — обычно они представляли собой сбор конспирологических теорий и непроверенных слухов. Однако алгоритм «Призмы» присвоил этому всплеску высокий индекс достоверности на основе перекрестных ссылок.

Внимание аналитика привлекла аббревиатура, которая за последние сорок восемь часов упоминалась в привязке к этому домену более семи тысяч раз. РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект.

Елена открыла защищенный браузер, предназначенный для работы с внешними несертифицированными источниками, и перешла по ссылке. Сервер находился за пределами российской юрисдикции, но доступ к нему не был ограничен Роскомнадзором.

На главной странице сайта висел объемный массив документов, выложенных в открытый доступ. Заголовки отчетов пестрели терминами «международная антикультовая сеть» и «дестабилизация». Родионова привычно отфильтровала эмоциональную подачу и перешла в раздел с прикрепленными файлами. Ее интересовали только первичные данные.

Она инициировала скачивание первого пакета документов — архива в формате ZIP весом около трехсот мегабайт. Пока полоса загрузки заполнялась, Елена открыла сопроводительную записку исследователей. Речь шла о финансировании структур, связанных с президентом РАЦИРС Александром Дворкиным.

Архив распаковался в отдельную изолированную папку на жестком диске терминала. Внутри оказались сканы финансовых отчетов, выписки из реестров и аналитические таблицы, охватывающие период с 2011 по 2015 год.

Родионова открыла первый PDF-файл. Это был отчет о президентских грантах, выделенных Центру религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. Суммы исчислялись десятками миллионов рублей.

Взгляд Елены зацепился за официальное название проекта, под который выделялось финансирование: «Оказание помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект».

Она открыла соседний текстовый документ из архива, содержащий выдержки из аудиторских проверок грантовых проектов. Текст на экране гласил:

«Выборочный анализ показывает, что реализация ряда проектов, получивших гранты, близка к нулю. Особенно показательны гранты на интернет-проекты, где реализация выглядит формальной, фрагментарной и не отвечает заявленным целям и задачам. Таким образом, массив проектов, выигравших президентские гранты, нуждается во всесторонней, непредвзятой проверке на соответствие нормативным требованиям, принципам конкурентности, общественной значимости и реальной эффективности».

Елена свернула документ и открыла новую вкладку в браузере. Она ввела адрес официального сайта Центра Иринея Лионского. Интерфейс сайта выглядел устаревшим. Родионова методично прокликала разделы «О центре», «Новости», «Публикации».

Ни в одном из разделов не было ни слова о практической помощи пострадавшим. Не было ни телефонов горячих линий для психологической поддержки, ни адресов реабилитационных центров, ни отчетов о потраченных средствах. Единственным неизменным элементом на каждой странице оставался блок с реквизитами для сбора пожертвований. Весь остальной контент состоял из агрессивных статей, направленных на дискредитацию различных религиозных групп.

Данные из независимого архива подтверждались простейшей проверкой по открытым источникам. Гранты выделялись на помощь, но по факту деньги шли на генерацию контента, разжигающего межрелигиозную рознь.

Это было лишь первым звеном. Родионова вернулась к распакованному архиву и открыла таблицу в формате Excel. В ней были сведены даты поступления грантовых траншей на счета структур РАЦИРС в различных регионах страны. Десятки строк. Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Казань.

Елена посмотрела на часы. 03:05. У нее было еще около двух часов до начала формирования утренней «красной папки». Она решила провести перекрестный анализ.

В нижнем секторе экрана «Призмы» Родионова запустила модуль ретроспективного поиска по региональным средствам массовой информации. Она загрузила в систему даты траншей из таблицы и задала поиск по ключевым словам: «секта», «деструктивный культ», «экстремисты», «опасность», привязав их к названиям конкретных религиозных меньшинств.

Система загудела, обрабатывая терабайты архивных публикаций за пять лет. На экране начали появляться графики.

Елена вывела на монитор данные по Новосибирской области за 2013 год. 12 апреля на счета местного отделения РАЦИРС поступает первый крупный транш из федерального гранта. Родионова наложила на эту дату график публикаций в региональной прессе.

До 12 апреля информационный фон вокруг религиозных меньшинств в регионе оставался нейтральным. Отдельные упоминания в криминальной хронике отсутствовали.

26 апреля, ровно через четырнадцать дней после транша, в трех крупнейших региональных изданиях синхронно выходят развернутые статьи о «засилье сектантов». На следующий день подключаются местные телеканалы с репортажами, снятыми скрытой камерой. Еще через день начинаются пикеты «возмущенной общественности» у зданий молельных домов.

Четырнадцать дней.

Родионова переключила фильтр на Екатеринбург, 2014 год. Дата транша — 5 сентября. Дата начала массированной медиакампании против другой религиозной группы — 19 сентября. Снова ровно четырнадцать дней.

Она запустила автоматический скрипт, который наложил все семьдесят четыре транша из таблицы на графики региональной медиа-активности по всей стране за четыре года.

Процесс занял около минуты. Когда зеленая полоса загрузки исчезла, на экране сформировалась итоговая диаграмма.

Отклонение составляло ноль процентов.

В каждом из семидесяти четырех случаев, зафиксированных в скачанном архиве, агрессивная кампания в прессе, сопровождающаяся призывами к запрету той или иной организации, начиналась ровно через две недели после поступления денег на счета аффилированных с РАЦИРС структур.

Елена откинулась на спинку кресла. В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением серверов за стеной.

Математическая точность графика исключала случайность. Это не было стихийным возмущением граждан. Это не было независимой журналистской работой на местах. Перед ней лежала цифровая модель жестко скоординированной, корпоративной операции. Две недели — стандартный срок для обналичивания средств, оплаты заказных публикаций в региональной прессе, найма массовки для пикетов и согласования текстов с кураторами.

Кто-то методично, год за годом, финансировал создание искусственных очагов социальной напряженности в регионах, маскируя это под борьбу с сектами.

Родионова снова обратилась к архиву независимых аналитиков. Ей нужно было понять методологию. Как именно антикультистам удавалось так быстро фабриковать информационные поводы, которые затем подхватывали правоохранительные органы.

Она открыла папку с внутренними инструкциями и методическими материалами, собранными независимыми исследователями. В одном из текстовых файлов содержались расшифровки обучающих семинаров для региональных активистов.

Елена выделила на экране абзац, принадлежащий Виталию Питанову, одному из видных деятелей антикультового движения:

«Вам нужно собирать компрометирующие материалы на секты и распространять их! Должен отметить, что этот подход может легко применяться против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живем в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на любого или просто выдумать».

«Или просто выдумать». Текст был предельно откровенен. Инструкция прямо указывала на возможность фабрикации данных не только против маргинальных групп, но и против представителей доминирующей церкви, если они станут неугодными.

Родионова свернула текстовый редактор. Данные, лежащие на жестком диске ее терминала, выходили далеко за рамки рутинной сводки. Они доказывали, что материалы независимых исследователей не являлись маргинальной теорией заговора. Это была точная, верифицируемая фактологическая база.

Связь между государственным финансированием, структурами Дворкина и искусственно смоделированными кампаниями травли была доказана перекрестным анализом дат.

Елена посмотрела на пустой бланк утреннего дайджеста. Включить эту информацию в стандартную сводку было невозможно. По регламенту, любые аналитические выводы, касающиеся деятельности официально зарегистрированных общественных организаций, требовали согласования с профильными управлениями ФСБ и МВД. Если она отправит этот лог по стандартным каналам, он будет заблокирован на первом же этапе верификации, а ее саму ждет служебное расследование за превышение полномочий.

Информация такого уровня требовала не просто включения в дайджест. Она требовала глубокого аппаратного синтеза и выхода на другой уровень принятия решений.

Родионова выдвинула ящик стола и достала стандартный служебный флеш-накопитель в металлическом корпусе. Такие носители не имели подключения к внешним сетям и использовались аналитиками для физического переноса данных между изолированными контурами Ситуационного центра.

Она вставила накопитель в порт терминала. Система запросила подтверждение уровня доступа. Елена ввела свой личный код.

Копирование заняло несколько секунд. Массив документов с архива, графики корреляции дат и выдержки из грантовых отчетов перекочевали на флешку.

На часах было 04:15. Утренняя смена Ситуационного центра начнет прибывать через час. Артур Воронов, ведущий аналитик, обычно приходил к пяти тридцати, чтобы успеть выпить кофе до утреннего брифинга.

Елена извлекла накопитель, положила его во внутренний карман пиджака и удалила скачанный архив с жесткого диска терминала. Затем она очистила историю запросов в модуле ретроспективного поиска региональной прессы.

Экран «Призмы» вернулся к своему исходному состоянию. Тепловая карта мигала привычными маркерами, лента новостей продолжала транслировать сухие строчки официальных коммюнике. Ничто не указывало на то, что только что в этих стенах была вскрыта архитектура многолетней операции по дестабилизации страны.

Родионова открыла пустой бланк утреннего дайджеста и начала печатать стандартную сводку ночных событий, готовясь к завершению смены. Флешка в кармане

казалась тяжелее, чем обычно. Действовать нужно было быстро и строго вне стандартных протоколов.

Глава 2. Синий контур

Пластиковый стаканчик с двойным эспрессо глухо стукнул о столешницу.

Артур Воронов сидел за дальним столиком в пустом кафетерии Администрации Президента. Половина шестого утра — время, когда ночная смена уже сдала посты, а дневная еще не прошла через турникеты на проходной. Ведущий аналитик Ситуационного центра предпочитал эти полчаса тишины для просмотра ночных сводок.

Елена Родионова опустилась на стул напротив. На ней был тот же строгий пиджак, что и вчера вечером, под глазами залегли глубокие тени. Она не стала брать кофе. Вместо этого она положила на середину стола стандартный служебный флеш-накопитель в тяжелом металлическом корпусе.

— Ты не пошла домой, — констатировал Воронов, глядя на флешку. Использование физических носителей внутри здания регламентировалось жестко. Они применялись только для переноса массивов, которые по соображениям безопасности не должны были оставлять следов в логах внутреннего сетевого обмена.

— Я скачала архив с независимого сервера, — тихо сказала Родионова. — Финансовые отчеты, гранты, внутренние методички. Потом прогнала даты траншей через модуль ретроспективного поиска по региональной прессе.

Воронов сделал глоток кофе. Он не любил спешку.

— И что показал поиск?

— Семьдесят четыре транша на счета структур, аффилированных с РАЦИРС, за четыре года. И семьдесят четыре скоординированные медиакампании против религиозных меньшинств в тех же регионах. Отклонение по времени старта кампании от даты поступления денег — ноль процентов. Ровно четырнадцать дней в каждом случае.

Воронов отставил стаканчик. Как аналитик, работающий с большими данными, он знал цену таким совпадениям. — Корреляция не всегда означает каузацию, Елена. Ты знаешь базовое правило. Возмущение общественности может совпадать с выделением грантов на подавление этого возмущения.

— Когда интервал совпадает до часа на протяжении пяти лет — это не каузация. Это утвержденный регламент проведения операции, — Родионова придвинула флешку ближе к нему. — Там же лежат их внутренние инструкции. Они прямо пишут о необходимости сбора и фабрикации компромата на любые неугодные группы, включая православных мирян и священников. Это не стихийное движение. Это корпоративная структура с жестким управлением.

Воронов несколько секунд смотрел на металлический прямоугольник. В его должностные обязанности не входило расследование деятельности общественных организаций. Его задачей было обеспечение первого лица государства верифицированной аналитикой. Но если данные Родионовой подтвердятся по закрытым каналам, это будет означать, что в сводки для президента годами ложилась искаженная картина внутренней безопасности.

Он молча забрал накопитель, опустил его в карман брюк и поднялся из-за стола.

Рабочий сектор Воронова находился на минус втором этаже, в зоне повышенного контроля Ситуационного центра. Пройдя через двойной шлюз биометрической идентификации, он оказался в прохладном помещении, заполненном ровным гудением серверов.

Его терминал состоял из трех широкоформатных мониторов. Воронов авторизовался в системе, введя личный код и приложив палец к сканеру. Левый экран мигнул и сменил цвет интерфейса на темно-синий.

«Синий контур» представлял собой закрытую ведомственную сеть. Она не имела выхода в интернет, но была напрямую интегрирована с архивами и базами данных профильных министерств: МВД, ФСБ, Минюста и Следственного комитета. Любой запрос здесь оставлял цифровой след, но уровень допуска Воронова позволял ему работать в режиме аналитического мониторинга, не вызывая немедленных срабатываний систем безопасности в самих ведомствах.

Он вставил флешку Родионовой в защищенный порт. Система проверила носитель на наличие вредоносного кода и открыла директорию. Воронов бегло просмотрел

выгруженные графики. Математика Елены была безупречной. Четырнадцатидневный лаг между траншами и медийными атаками выглядел как отлаженный конвейер.

Но графики из открытых источников не имели юридического веса для Кремля. Воронову нужен был государственный след. Если структура РАЦИРС обладала таким влиянием в регионах, она должна была оставить отпечатки в официальных реестрах.

Он перевел курсор на экран «Синего контура» и открыл базу данных Министерства юстиции РФ. В строке поиска он ввел два параметра: «Александр Дворкин» и «РАЦИРС», ограничив выдачу нормативно-правовыми актами и приказами по министерству.

Система выдала триста сорок результатов. Воронов отфильтровал их по значимости. На первой строчке оказался документ, датированный началом 2009 года.

Приказ Минюста России от 18 февраля 2009 года № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе». Этим приказом утверждался новый состав Экспертного совета.

Воронов открыл историческую справку по совету. До 2009 года этот орган состоял преимущественно из светских ученых, академических религиоведов из МГУ и профильных институтов РАН. Их заключения отличались осторожностью и редко давали правоохранительным органам жесткие основания для запрета организаций.

В апреле 2009 года ситуация радикально изменилась. Новый министр юстиции Александр Коновалов подписал указ о назначении нового председателя совета. Им стал Александр Дворкин.

Воронов вывел на правый монитор биографическую справку на министра Коновалова, подтянув данные из кадрового резерва. Взгляд аналитика зацепился за раздел об образовании. Коновалов окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В графе преподавательского состава за годы его обучения значилась фамилия Дворкина. Министр юстиции назначил на ключевой экспертный пост в государстве своего бывшего университетского профессора.

Аналитик вернулся к составу Экспертного совета образца 2009 года. Он начал копировать фамилии новых членов совета и прогонять их через ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц.

Александр Щипков. Лев Семенов. Роман Силантьев. Александр Кузьмин. Евгений Мухтаров. Андрей Васильченко.

База данных выдавала стопроцентные совпадения. Кузьмин числился ответственным секретарем РАЦИРС и руководителем миссионерского отдела Саратовской епархии. Мухтаров руководил ярославским отделением той же структуры. Все новые члены совета, пришедшие вместе с Дворкиным, являлись функционерами одной и той же организации.

Воронов откинулся в кресле. Академическая наука была полностью вычищена из государственного органа. Ее место заняла частная ассоциация, получившая монопольное право определять, какая религия в России является законной, а какая — экстремистской.

В прикрепленных к приказу архивных файлах Воронов обнаружил аналитическую записку Департамента по защите конституционного строя, датированную тем же 2009 годом. В ней содержалась оценка рисков, связанных с новым составом совета. Документ включал стенограмму выступления профессора кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС Ремира Лопаткина.

Воронов развернул текст на весь экран:

«Действие, которое мы сегодня рассматриваем… направлено на раскол, на посев вражды в обществе, на стравливание одних частей общества с другими. Это первое. Второе — проблема выходит за рамки только совета. Минюст присваивает себе и частично делегирует совету полномочия, которых он по закону иметь не может. Он заявляет: “контроль за деятельностью религиозных объединений”. Как так? Даже в советское время Совет по делам религий не имел права контролировать деятельность религиозных объединений».

Записка была отправлена в архив без движения. Предупреждение профильного специалиста проигнорировали.

Воронов открыл Уголовный кодекс в справочной системе. Статья 307. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

Он начал выстраивать логическую цепочку, печатая тезисы в защищенном текстовом редакторе. Судебная система России устроена так, что судья не является специалистом в теологии. Принимая решение о запрете организации, судья опирается исключительно на бумагу, выданную аккредитованным экспертом. Доказать умысел в

ложной религиоведческой экспертизе юридически невозможно — эксперт всегда может сослаться на свою научную позицию, на то, что он так интерпретирует тексты. Это идеальная лазейка.

Дворкин не просто возглавил совет. Он понял уязвимость правовой системы и интегрировал в нее свою структуру. Суды, прокуратура и следователи оказались в заложниках у группы людей, получивших государственные печати. Если Экспертный совет Минюста пишет в заключении слово «секта», судья автоматически переносит это слово в приговор.

Воронов проверил статус совета на текущий момент. В 2014 году, после ряда публичных скандалов, состав был формально обновлен. Дворкин покинул пост председателя, перейдя на должность заместителя. Но перекрестный анализ новых членов показал ту же картину — ядро совета по-прежнему состояло из представителей РАЦИРС и их идеологических союзников. Смена вывески не изменила механизма принятия решений. Теневой контроль сохранился.

Но контроль над экспертизой — это только половина дела. Эксперт может признать литературу вредной, но чтобы массово ликвидировать организации, сажать людей в тюрьмы и конфисковывать имущество, нужна была федеральная законодательная база. Нужны были законы, позволяющие трактовать любую проповедь как угрозу национальной безопасности.

Воронов посмотрел на хронологию. Самое масштабное ужесточение законодательства в этой сфере произошло в 2016 году с принятием пакета антитеррористических поправок, известного в прессе как «Закон Яровой». Именно там появились беспрецедентно жесткие ограничения на миссионерскую деятельность. Официально закон подавался как ответ на угрозу международного терроризма.

Аналитик открыл шлюз, связывающий Ситуационный центр с Автоматизированной системой обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД) Государственной Думы. Ему не нужны были итоговые тексты законов, опубликованные в открытом доступе. Его интересовала кухня — черновики, сопроводительные записки и первичные редакции поправок, которые вносились в комитеты до официальных чтений.

Интерфейс базы данных Госдумы работал медленно, подгружая терабайты архивной документации. Воронов ввел номер законопроекта и перешел в раздел служебной переписки Правового управления аппарата Думы.

Он нашел папку с рабочими материалами к главе, регулирующей миссионерскую деятельность. Внутри лежал текстовый файл в формате .docx с названием Поправки_в_ФЗ_125_миссионерство_рабочая_версия_3.docx.

Воронов скачал документ на изолированный сектор своего диска. Он не стал открывать текст. Вместо этого он запустил утилиту глубокого анализа метаданных файла.

Любой текстовый документ, созданный в стандартном офисном пакете, сохраняет цифровые следы: имя компьютера, на котором он был создан, время редактирования, идентификаторы авторов и маршрутизацию сохранений. Обычно перед официальной публикацией эти данные вычищаются аппаратом Думы, но в черновых версиях, гуляющих по внутренней сети, они остаются нетронутыми.

На экране развернулась таблица свойств файла.

Дата создания: 12 апреля 2016 года. Время редактирования: 43 часа 12 минут. Количество сохранений: 118.

Воронов прокрутил окно вниз, к полю Author (Автор) и Company (Организация). В официальных документах там должно было значиться «Аппарат Государственной Думы РФ» или фамилия конкретного депутата-инициатора.

В строке Company значилось: Center_Iriney_Lyon. В строке LastModifiedBy (Последнее сохранение): A.Kuzmin_PC.

Воронов замер, глядя на строчки кода. Александр Кузьмин. Ответственный секретарь РАЦИРС. Центр Иринея Лионского — головная структура Александра Дворкина.

Он выделил IP-адрес, зафиксированный в логах маршрутизации документа при его отправке на сервер Думы, и прогнал его через систему глобального позиционирования. Адрес не принадлежал правительственному кварталу. Он вел к серверу, зарегистрированному на коммерческого провайдера, обслуживающего здание, где располагался офис антикультового центра.

Аналитик медленно выдохнул. Тишина серверной комнаты казалась теперь неестественно плотной.

Государственная Дума не разрабатывала поправки, ограничивающие свободу вероисповедания под предлогом борьбы с терроризмом. Депутаты лишь внесли их от своего имени. Первичный текст закона, который впоследствии стал дубиной для зачистки правового поля страны, был написан на компьютерах частной ассоциации РАЦИРС.

Сеть не просто влияла на экспертизу. Она напрямую диктовала государству федеральное законодательство, используя антитеррористическую повестку как прикрытие для устранения идеологических конкурентов. Государственная машина, со всеми ее министерствами, комитетами и спецслужбами, была использована втемную, как инструмент для реализации частного плана.

Воронов сохранил лог метаданных и перенес его в защищенную папку на флешке Родионовой. Первичная выборка подтвердилась. Деятельность антикультовой сети имела неопровержимое документальное подтверждение в самых закрытых ведомственных контурах. И этот след вел на самый верх.

Глава 3. Механика преследования

«…доводы суда первой инстанции об экстремистском характере литературы строились исключительно на выборочном цитировании экспертного заключения, тогда как общие выводы специалистов об отсутствии признаков экстремизма не были приняты во внимание».

Текст на экране планшета принадлежал аппарату Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Документ датировался две тысячи десятым годом и касался процесса ликвидации местной религиозной общины в Таганроге.

Воронов отложил стилус на край стола. В изолированном модуле Ситуационного центра горел только дежурный свет, отражаясь в стеклянных панелях серверных стоек.

Елена Родионова сидела за соседним терминалом, выводя на центральный монитор новый массив данных. За последние два часа она загрузила в рабочую среду сорок судебных приговоров из разных субъектов федерации. География охватывала всю страну: от Ростова и Краснодара до Сургута, Екатеринбурга и Новосибирска. Статьи обвинения варьировались незначительно — организация деятельности запрещенного объединения, участие в нем, вовлечение новых членов. Сроки были реальными, от четырех до шести лет колонии общего режима.

— Запускаю семантический анализатор, — произнесла Елена, вводя команду в интерфейс системы. — Базовый алгоритм сравнения текстов без учета установочных данных. Я настроила фильтры так, чтобы система игнорировала фамилии подсудимых, названия городов, даты обысков и номера уголовных дел. Оставляем только мотивировочную часть. То ядро, на котором судьи строили обвинительные заключения.

Процесс обработки занял около четырех минут. На центральной плазменной панели появились сорок прямоугольников, обозначающих тексты приговоров. Система начала закрашивать совпадающие фрагменты синим цветом.

Сначала цвет поменяли отдельные абзацы. Затем целые страницы. К концу анализа документы на экране превратились в сплошные синие блоки с редкими белыми вкраплениями индивидуального текста.

— Восемьдесят пять процентов лексического совпадения, — Родионова вывела итоговую цифру на консоль. — Сорок разных судей в разных концах страны. Сорок разных уголовных дел, возбужденных в разное время. И абсолютно идентичная мотивировочная часть.

Воронов подошел ближе к экрану. Судебная система России не являлась прецедентной. Судья в Новосибирске не был обязан и не имел права копировать формулировки коллеги из Ростова. Более того, прямое заимствование текста из чужих решений считалось грубым процессуальным нарушением.

— Выведи источник совпадений, — приказал аналитик. — Что именно они дублируют?

— Экспертные заключения, — ответила Елена, разворачивая структуру одного из синих блоков. — Судьи дословно переписывают в приговор выводы религиоведческих и лингвистических экспертиз. Тексты экспертиз идентичны.

Воронов начал просматривать фамилии специалистов, подписавших эти заключения. Светлана Мочалова — эксперт из Свердловской области. Олег Заев — Новосибирск. Евгений Волков. Роман Силантьев. Разные люди, разные должности, разные регионы.

— Посмотри на этот кейс, — Елена открыла материалы по делу Юрия Савельева, шестидесятисемилетнего пенсионера из Новосибирска. — Приговор — шесть лет лишения свободы. В основе обвинения лежит экспертиза Олега Заева.

Воронов запросил кадровую справку по Заеву. База данных выдала должность: преподаватель «сектоведения» в местном православном богословском институте, сотрудник структуры, подчиняющейся протоиерею Александру Новопашину.

— Новопашин числится официальным консультантом регионального управления МВД по вопросам деструктивных культов, — прочитал Воронов сводку. — Получается замкнутый цикл. Следствие привлекает в качестве независимого эксперта человека, чей прямой руководитель официально консультирует это же следствие. При этом их общая структура публично призывает к ликвидации подсудимых.

— И суд принимает это как допустимое доказательство, — кивнула Родионова. — В протоколах заседаний зафиксировано, что защита указывала на личную неприязнь эксперта к подсудимому по религиозным мотивам. Судья Кашина эти доводы отклонила. Более того, она приняла письменные показания засекреченного свидетеля под псевдонимом «Иванова», которая ни разу не явилась в зал суда. Право на перекрестный допрос было проигнорировано.

Воронов вернулся к своему терминалу. Его интересовала правовая база, позволяющая специалистам безнаказанно выдавать нужные следствию результаты, игнорируя научную объективность.

Он открыл справочную систему и вывел на экран текст статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

— В теории эта норма должна гарантировать объективность правосудия, — произнес он, просматривая комментарии Пленума Верховного Суда. — На практике она не работает, когда дело касается гуманитарных и идеологических дисциплин.

— Из-за недоказуемости умысла?

— Именно. Ключевое слово в диспозиции статьи — «заведомо». Чтобы привлечь эксперта за ложное заключение, следственный комитет должен доказать его прямой умысел. Доказать, что он не просто ошибся в трактовке религиозного текста, а намеренно исказил факты с целью ввести суд в заблуждение. Специалист всегда может сослаться на «субъективное научное мнение», «особую методологию» или принадлежность к определенной академической школе.

Воронов выделил фрагмент экспертизы из таганрогского дела.

— Обрати внимание на лингвистические конструкции. «Анализ предоставленной религиозной литературы не позволил однозначно выявить наличие экстремистского содержания». Фраза звучит научно, осторожно и нейтрально. Но в итоговой резолютивной части тот же автор рекомендует запретить материалы. Суд переносит в приговор только итоговый вывод. Если эксперта попытаются привлечь к ответственности, он укажет на первую фразу и заявит, что честно предупреждал о неоднозначности. Это идеальная юридическая защита, заложенная в сам текст.

Елена открыла полную историческую справку по прецеденту в Таганроге.

— Это был их первый крупный полигон, — сказала она. — Две тысячи девятый год. Тот самый год, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет при Минюсте. Южный региональный центр судебной экспертизы проводит исследование литературы местной общины. Государственные эксперты — филологи и психологи — не находят признаков экстремизма.

— И как реагирует судебная инстанция?

— Ростовский областной суд игнорирует выводы государственного учреждения. Вместо этого в дело вводится заключение специалистов, аффилированных с РАЦИРС. Суд выносит решение о ликвидации организации, опираясь исключительно на выборочные цитаты из нужной, частной экспертизы.

Воронов вспомнил оценку религиоведа Сергея Иваненко, зафиксированную в архивных отчетах: «В большинстве случаев речь идет о заказных экспертизах, выполненных людьми, лишенными не только необходимой квалификации, но и совести. Вопросы перед ними ставятся заведомо неясные или лукавые, а судьи извращают выводы добросовестных специалистов».

Если сорок человек в разных регионах пишут одинаковые тексты с точностью до восьмидесяти пяти процентов, они не могут делать это независимо друг от друга в рамках научного поиска.

— Елена, нам нужен исходный файл. Текст, с которого они копируют свои заключения для судов.

Родионова переключилась на терминал работы с открытыми данными. Обычный поиск по проиндексированным страницам ничего не дал. Документы такого рода не публиковались на официальных сайтах ассоциации.

— Попробую пройти через теневые копии и веб-архивы, — сказала она, быстро набирая команды. — Буду искать не по центральным ресурсам — там все вычищено. Проверю периферию. Региональные отделения часто пренебрегают правилами цифровой безопасности.

Она сформировала сложный поисковый запрос, включив в него самые специфические, редко встречающиеся фразы из синих блоков семантического анализатора. «Формирование враждебных установок», «пропаганда исключительности на основе религиозной принадлежности», «деструктивное психологическое воздействие». Запрос был направлен на поиск файлов с расширениями .doc и .docx на серверах, связанных с епархиальными миссионерскими отделами и региональными филиалами антикультовых центров.

Спустя двадцать минут система выдала совпадение.

Это был старый FTP-сервер одного из региональных центров, заброшенный системными администраторами еще в две тысячи пятнадцатом году. Доменное имя давно истекло, но IP-адрес по-прежнему откликался, а директории оставались открытыми для чтения из-за ошибки конфигурации.

Родионова вошла в корневую папку. Среди десятков каталогов с фотографиями мероприятий и финансовыми отчетами выделялась одна директория. Она называлась Для_судов_и_следствия.

Внутри находился единственный текстовый документ: Типовая_экспертиза_СИ_рабочая.docx.

Елена скачала файл на изолированный флеш-накопитель, проверила его антивирусным пакетом и открыла в локальном редакторе.

На экране развернулся документ объемом в сорок две страницы. Воронов встал из-за своего стола и подошел к терминалу напарницы.

Текст был дословно идентичен тем синим блокам, которые выделил анализатор в сорока обвинительных приговорах. Разница заключалась лишь в том, что вместо конкретных фамилий, дат и названий городов в тексте стояли пустые квадратные скобки.

«В представленных на исследование материалах, изъятых по адресу [вставить адрес], принадлежащих [ФИО обвиняемого], содержатся высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к представителям традиционных конфессий».

«Анализ деятельности местной религиозной организации [название МРО] свидетельствует о наличии признаков жесткого психологического давления на адептов».

— Они даже не утруждают себя чтением изъятой при обысках литературы, — ровным голосом произнесла Елена. — Вся лингвистическая и психологическая база уже написана в едином центре. Местному специалисту нужно только вписать адрес обыска, фамилию жертвы в пустые поля и поставить свою подпись на последней странице.

Воронов прокрутил документ до раздела «Методологическая база исследования».

— Посмотри, на что они ссылаются в качестве научного обоснования. «Комплексный психолого-лингвистический подход». Звучит академично. Но в списке литературы идет прямое цитирование книги самого Дворкина «Сектоведение». Они используют его публицистическую работу как утвержденный научный метод для уголовного преследования.

Аналитик открыл параллельную вкладку с результатами независимой правовой оценки книги «Сектоведение», проведенной европейскими специалистами и сохраненной в архиве независимых расследователей.

— Парадокс ситуации заключается в том, — произнес Воронов, вчитываясь в сухие строки юридического заключения, — что сама книга Дворкина, согласно независимым экспертизам, содержит все маркеры экстремистской литературы.

Он выделил несколько абзацев из правового заключения:

«Текст содержит многочисленные, системно организованные лингвистические индикаторы, характерные для языка вражды. Автор целенаправленно использует

речевые стратегии для формирования резко негативного, враждебного отношения к определенным религиозным группам».

«Коммуникативная цель книги — убедить читателя в абсолютной опасности описываемых религий, внушить стойкое чувство ненависти и страха, а также идеологически обосновать необходимость борьбы с ними».

— Человек, чьи тексты построены на демонизации и расчеловечивании оппонентов, создал сеть, которая обвиняет этих самых оппонентов в экстремизме, — резюмировал Воронов. — И государственная машина принимает эти обвинения как научно доказанный факт.

Но в этой логической цепи оставался один невыясненный элемент. Эксперты могли быть ангажированы идеологически или финансово. Следственные органы могли идти по пути наименьшего сопротивления, используя готовые шаблоны для улучшения показателей раскрываемости. Но почему судьи — люди, обладающие особым федеральным статусом, неприкосновенностью и независимостью, — раз за разом закрывали глаза на очевидные процессуальные нарушения, игнорировали доводы защиты и штамповали приговоры на основе шаблонных бумаг?

Воронов вернулся к списку из сорока судейских фамилий.

— Любая система не может держаться исключительно на идеологии или административном давлении, — рассуждал он вслух, быстро набирая код доступа. — Должен быть позитивный стимул. Бюрократическая награда за лояльность и бесперебойную работу.

Он авторизовался в закрытом контуре Ситуационного центра, обеспечивающем прямой доступ к базам данных Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) и Судебного департамента при Верховном Суде.

— Загрузи список фамилий, — приказал он системе, передавая данные из семантического анализатора. — Установи фильтр на кадровые изменения. Временной интервал — восемнадцать месяцев с момента вынесения обвинительного приговора по делам, связанным с религиозными меньшинствами.

Сервер начал обработку запроса. На правом мониторе одна за другой появлялись личные карточки судей.

Судья Кашина, Новосибирск. Вынесла обвинительный приговор пенсионеру Савельеву. Через семь месяцев после оглашения вердикта рекомендована квалификационной коллегией к назначению в областной суд.

Судья из Сургута. Принял экспертизу Евгения Волкова по саентологической литературе, проигнорировав отсутствие представителей организации на заседании. Через год указом президента назначен председателем районного суда.

Судья из Ростова. Вынес решение о ликвидации общины в Таганроге на основе выборочного цитирования. Повышение квалификационного класса, перевод в кассационную инстанцию.

Зеленые маркеры кадровых повышений загорались напротив фамилий один за другим.

Тридцать. Тридцать пять. Сорок.

Сто процентов.

Все сорок судей, чьи приговоры были проанализированы системой, в течение года после завершения процесса получили повышение в статусе. Ни один из них не остался на прежней должности. Ни один не получил дисциплинарного взыскания за отмененный в апелляции приговор — потому что вышестоящие инстанции эти приговоры оставляли в силе.

Воронов молча смотрел на ровные столбцы зеленого цвета.

Это не было сбоем в работе правоохранительных органов. Это не было локальной ошибкой, перегибом на местах или некомпетентностью отдельных следователей.

Перед аналитиками лежала математически выверенная, работающая без сбоев схема.

Структуры РАЦИРС выбирали мишень и запускали медийную кампанию. Региональные функционеры скачивали с сервера готовый шаблон экспертизы, вписывая в него нужные адреса и фамилии. Следователи подшивали эту бумагу в уголовное дело, обеспечивая ведомственную статистику борьбы с экстремизмом. А судьи, легализуя этот процесс своими мантиями, получали гарантированный карьерный рост.

Государственный аппарат правосудия был перепрограммирован. Он больше не выполнял функцию объективного арбитра. Он работал как автоматический распределитель благ для тех, кто обслуживал интересы одной частной ассоциации.

Воронов выделил весь массив данных из базы ВККС, зашифровал его и прикрепил к файлу с шаблоном типовой экспертизы. Блок доказательств был сформирован. Схема преследования не имела изъянов на региональном уровне, она поддерживала сама себя. Чтобы разрушить эту архитектуру, требовалось выйти на уровень тех, кто обеспечивал ей прикрытие в федеральных министерствах.

Глава 4. Тень на Лубянке

Форма электронного межведомственного запроса № 41-А требовала заполнения девятнадцати обязательных полей. Этот протокол использовался аналитиками Ситуационного центра для истребования оперативных сводок из закрытых архивов смежных ведомств.

Артур Воронов методично вносил данные в защищенный терминал. После обнаружения шаблонов типовых экспертиз и стопроцентной корреляции карьерного роста судей с обвинительными приговорами, расследование уперлось в логический предел регионального уровня. Схема работала слишком гладко. Местные следователи и судьи были лишь исполнителями, винтиками в механизме, который кто-то заботливо смазывал и защищал на федеральном уровне.

Чтобы доказать наличие этого прикрытия в итоговом докладе, Воронову требовались документы контрразведывательного обеспечения. Ему нужно было официально спросить Лубянку, что им известно о структуре, которая фактически монополизировала религиоведческую экспертизу в стране.

В поле «Объекты запроса» аналитик ввел три аббревиатуры: РАЦИРС, FECRIS и ЦПЭ (Центр противодействия экстремизму).

Поле «Обоснование» требовало детальной аргументации. Запрос в архив ФСБ не мог опираться на догадки. Воронов открыл подготовленный файл с исторической

справкой, которую он собрал за последние часы, опираясь на открытые источники и перекрестные ссылки в ведомственных базах.

Он начал формировать текст обоснования, прикрепляя к нему задокументированные факты взаимодействия функционеров антикультовой сети с органами государственной безопасности.

Первым пунктом легла хронология две тысячи десятого года. Воронов прикрепил выписку из архива региональных новостей Новосибирска: «Президент РАЦИРС Александр Дворкин выступил с докладом на тему “Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности” перед офицерами Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Новосибирской области и курсантами Института ФСБ России».

Аналитик выделил этот фрагмент. Гражданское лицо, руководитель частной общественной ассоциации, читает лекции кадровым офицерам спецслужбы, формируя у них образ внутреннего врага. В том же регионе вице-президентом РАЦИРС числился протоиерей Александр Новопашин, который, согласно базам данных, официально консультировал местные силовые структуры.

Вторым пунктом Воронов внес данные по Роману Силантьеву, заместителю Дворкина в Экспертном совете при Минюсте. Аналитик прикрепил расшифровку интервью Силантьева агентству «Интерфакс» от две тысячи девятнадцатого года. В нем функционер прямо заявлял, что сотрудничает с ФСБ, читает лекции оперативным сотрудникам и готовит для ведомства экспертные заключения по террористическим организациям.

Там же Силантьев признавался в создании новой дисциплины — «деструктологии». Воронов процитировал фрагмент: «Это своего рода сильно расширенное сектоведение, которое позволяет нам разбираться не только с культами и сектами, но и с магами, психокультами, молодежными субкультурами, террористами и вообще всем, что опасно для человеческой души».

Воронов сухо резюмировал этот факт в теле запроса: «Частное лицо изобретает неакадемическую дисциплину, которая немедленно принимается органами государственной безопасности в качестве методологической базы для проведения экспертиз в рамках уголовного делопроизводства. Запрашивается правовое основание для подобной интеграции».

Третий блок обоснования касался международных связей. В две тысячи девятом году в Санкт-Петербурге прошел симпозиум европейской антикультовой федерации FECRIS. Именно там Дворкин был избран вице-президентом этой международной структуры. На симпозиуме присутствовал министр юстиции РФ, что придавало мероприятию государственный статус. Воронов указал на парадокс: в то время как контрразведка методично зачищала любые иностранные неправительственные организации в России, структура, интегрированная в европейскую сеть со штаб-квартирой во Франции, не просто функционировала, но и получала доступ к формированию внутренней политики РФ.

Сформулировав запрос, Воронов проверил маршрутизацию. Документ должен был уйти в Управление регистрации и архивных фондов (УРАФ) ФСБ. По регламенту, система обязана была присвоить запросу трек-номер и выдать статус «Принято к рассмотрению» с нормативным сроком ответа в семьдесят два часа.

Аналитик нажал клавишу отправки.

Протокол шифрования запустил процесс передачи пакета данных по защищенному каналу. На экране появилась серая полоса загрузки. Она дошла до середины, замерла на несколько секунд, а затем интерфейс терминала резко сменил цвет на тревожный красный.

В центре монитора всплыло системное окно: ОТКАЗ В МАРШРУТИЗАЦИИ. КОД ОШИБКИ: 403-В.Блокировка на уровне куратора профильного управления.

Воронов убрал руки с клавиатуры. Он знал архитектуру межведомственных сетей наизусть. Ошибка 403-А означала банальную нехватку уровня допуска у запрашивающего. Это была автоматическая реакция системы на попытку рядового клерка залезть в секретный архив.

Но код 403-В имел совершенно иную природу. Это не был автоматический запрет. Этот код означал, что запрашиваемые объекты — РАЦИРС, Дворкин, Силантьев — внесены в специальный стоп-лист. Любой запрос по этим ключевым словам перехватывался на аппаратном уровне и перенаправлялся не в архив, а на пульт конкретного высокопоставленного куратора из службы защиты конституционного строя или управления собственной безопасности.

Система не просто отказала Воронову в информации. Она уведомила куратора сети о том, что ведущий аналитик Администрации Президента начал задавать неудобные вопросы.

Воронов попытался выгрузить лог-файл отказа, чтобы посмотреть идентификатор управления, наложившего блокировку. Сервер выдал пустую директорию. Следы были стерты в ту же миллисекунду, когда сработал триггер.

Кабинет генерал-майора Сазонова располагался в старом крыле здания на Лубянской площади. Здесь не было плазменных панелей и стеклянных перегородок, характерных для современных аналитических центров. Пространство было заполнено тяжелой мебелью из темного дерева, стены обшиты звукопоглощающими панелями, а на столе стоял ряд массивных телефонных аппаратов правительственной связи.

Дежурный офицер службы технического контроля, майор Денисов, вошел в кабинет ровно в девять часов утра. В руках он держал тонкую папку с красной диагональной полосой — маркер нештатной активности во внутреннем контуре.

— Товарищ генерал-майор, три минуты назад сработал аппаратный триггер по объекту «РАЦИРС», — доложил майор, кладя папку на сукно стола. — Запрос поступил по линии межведомственного обмена.

Сазонов отложил ручку и открыл папку. Внутри лежал распечатанный лог перехваченного запроса № 41-А. Взгляд генерала скользнул по строке отправителя. Ситуационный центр Президента РФ. Ведущий аналитик Воронов А.В.

Генерал начал вчитываться в текст обоснования, который Воронов прикрепил к своему запросу. Новосибирск. Центр «Э». Силантьев. FECRIS.

Сазонов медленно закрыл папку. Ситуация выходила за рамки рутинного любопытства гражданских чиновников. Аналитик из Кремля не просто наткнулся на странные судебные решения в регионах. Он нащупал несущую конструкцию, на которой держалась значительная часть оперативной работы управления в религиозной и общественной сфере.

Для Сазонова и его коллег структуры РАЦИРС никогда не были независимыми исследователями. Они являлись идеальным, выверенным годами инструментом. В начале двухтысячных годов, когда перед Центром противодействия экстремизму была поставлена задача по контролю над неформальными объединениями, оперативные

сотрудники столкнулись с проблемой: у них не было ни базы данных, ни понимания внутренней структуры религиозных меньшинств.

Как однажды выразился один из коллег Сазонова в частной беседе, пересказывая визит оперативников к антикультистам в Тульской области: «Мы боролись с националистами, но они закончились. Нам нужна фактура по сектантам. Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры?».

РАЦИРС дали спецслужбам готовые списки, адреса, фамилии и, самое главное, идеологическое обоснование для применения силы. Взамен антикультисты получили доступ к административному ресурсу, возможность устранять конкурентов руками полиции и судов, а также статус неприкасаемых.

Это был симбиоз. Интеграция зашла так далеко, что функционеры ассоциации, такие как Силантьев, уже легально писали для ФСБ экспертные заключения, на основе которых люди отправлялись в колонии.

Но самым ценным активом была международная линия. Статус Дворкина как вице-президента европейской федерации FECRIS давал Лубянке уникальный канал влияния и сбора информации за рубежом. Под прикрытием борьбы с сектами российские агенты влияния могли присутствовать на европейских симпозиумах, взаимодействовать с западными политиками и лоббировать нужные нарративы на уровне правительственных структур Франции, Бельгии и Германии.

И теперь аналитик Воронов пытался вытащить всю эту архитектуру на свет, требуя официальных объяснений в рамках подготовки отчета для первого лица.

— Что с запросом? — спросил Сазонов, не поднимая глаз от папки.

— Заблокирован по протоколу 403-В, как вы и распорядились при настройке фильтров, — ответил Денисов. — Система выдала отправителю стандартный отказ.

— Этого недостаточно, — произнес генерал. — Воронов — системный аналитик. Отказ только подтвердит его подозрения. Если он пошел по линии FECRIS, значит, у него уже есть первичная фактура. Он попытается найти обходные пути через открытые реестры или европейские базы данных.

Сазонов поднялся из-за стола и подошел к окну, выходящему во внутренний двор. Бюрократический аппарат был устроен так, что прямое физическое устранение или грубый арест сотрудника Администрации Президента вызвал бы немедленный скандал

на самом верху. Действовать нужно было аппаратными методами. Ослепить аналитика. Отрезать его от данных.

— Слушай приказ, майор, — Сазонов повернулся к подчиненному. — Инициировать протокол скрытого контроля. Установить полный мониторинг за рабочим терминалом Воронова в Ситуационном центре.

Денисов чуть заметно нахмурился. — Товарищ генерал-майор, мониторинг терминала первого уровня допуска требует санкции межведомственной комиссии. Мы не можем просто так подключиться к сети Кремля.

— Санкция будет, — жестко отрезал Сазонов. — Оформишь рапорт текущим числом. Основание — оперативная информация о возможной утечке закрытых данных в интересах иностранных структур. Воронов запрашивает детали по европейской организации FECRIS. Этого достаточно для инициации проверки по линии контрразведки. Все его поисковые запросы, весь трафик, каждое нажатие клавиши должно дублироваться на наш сервер.

— Выполню.

— Второе, — продолжил генерал, возвращаясь к столу. — Свяжись с технической дирекцией правительственной связи. Отзовите у Воронова допуск к архивам второй формы.

— Под каким предлогом?

— Технический сбой профиля безопасности в связи с проводимой проверкой. Пусть его терминал работает только с открытыми источниками, Росстатом и публичными новостными лентами. Никаких ведомственных баз, никаких уголовных дел, никаких приказов Минюста. Закройте ему синий контур.

Денисов сделал пометку в своем блокноте. — А что делать с его напарницей? Оператор Родионова. Она работает в блоке мониторинга открытых данных.

Сазонов на мгновение задумался. Родионова была слабым звеном. У нее не было статуса ведущего аналитика, и ее устранение из процесса не вызовет вопросов у руководства Ситуационного центра.

— По Родионовой подготовить материалы для служебного расследования. Нарушение регламента работы с информацией, нецелевое использование

вычислительных мощностей. Поднимите логи ее ночных смен. Найдите повод для временного отстранения от должности.

Генерал снова посмотрел на распечатку запроса Воронова. Интеллектуальный анализ был опасным оружием, но он полностью зависел от питающей его информационной среды. Лишенный доступа к закрытым базам, аналитик превращался в обычного читателя газет.

— Исполнять немедленно, — приказал Сазонов. — К полудню Воронов должен оказаться в информационном вакууме.

Майор Денисов развернулся и вышел из кабинета, плотно закрыв за собой тяжелую дверь. Сазонов остался один. Он подошел к аппарату правительственной связи и снял трубку, чтобы сделать звонок куратору в Министерстве юстиции. Необходимо было предупредить партнеров о том, что их старые приказы начали привлекать ненужное внимание. Механизм защиты был запущен.

Глава 5. Европейский транзит

Уведомление об ошибке авторизации не сопровождалось звуковым сигналом. Рабочая станция Елены Родионовой просто сбросила активную сессию, вернув интерфейс к стартовому окну ввода пароля.

Специалист по мониторингу занесла пальцы над клавиатурой и повторила ввод двадцатизначного ключа. Система на секунду зависла, обрабатывая запрос, а затем выдала стандартную серую плашку: «Учетная запись временно заблокирована до выяснения обстоятельств. Обратитесь к администратору безопасности».

Елена отодвинулась от стола. Внутренний контур был отрезан. Кто-то на уровне профильных управлений ФСБ не просто отклонил запрос Артура Воронова, но и инициировал полную изоляцию их аналитической группы от закрытых баз данных. Ведомственные сводки, архивы уголовных дел, протоколы межведомственного взаимодействия — все это теперь находилось за глухой цифровой стеной.

Но блокировка внутренней сети имела один существенный изъян. Она не могла ограничить доступ к глобальной паутине на терминале мониторинга открытых данных, который физически не был связан с секретными серверами Кремля.

Родионова развернулась к соседнему монитору. Если российская юрисдикция закрыта административным ресурсом Лубянки, необходимо сменить географию поиска. Любая структура, претендующая на международный статус, оставляет следы в зарубежных реестрах. Европейское законодательство о прозрачности некоммерческих организаций не подчинялось приказам российских генералов.

Она открыла защищенный браузер и ввела в поисковую строку аббревиатуру FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Эта организация уже фигурировала в материалах независимых расследователей как международный зонтик, укрывающий Александра Дворкина и его ассоциацию.

Елена перешла на портал французского реестра юридических лиц. Согласно уставным документам, штаб-квартира федерации располагалась в Париже. Запросив выписку по форме «Association loi de 1901», регулирующей деятельность некоммерческих объединений во Франции, она начала изучать финансовые декларации.

Цифры в графе источников финансирования требовали внимательного осмысления. Девяносто процентов бюджета FECRIS формировалось за счет прямых субсидий от французского государства. Деньги поступали через правительственное агентство MIVILUDES — Межминистерскую миссию по борьбе с сектантскими отклонениями.

Родионова открыла список членов совета директоров FECRIS, актуальный на две тысячи двадцать первый год. В перечне граждан Франции, Бельгии и Италии значилась знакомая фамилия. Александр Дворкин занимал пост вице-президента этой европейской структуры.

Демократическое государство, входящее в блок НАТО, на протяжении многих лет официально финансировало организацию, одним из руководителей которой являлся российский радикал, чьи тексты независимая экспертиза признала содержащими маркеры экстремизма.

Елена начала выгружать списки аффилированных структур. FECRIS не была монолитной корпорацией; она функционировала как сеть, объединяющая десятки

региональных комитетов в тридцати странах. Чтобы понять, как именно российский центр управлял этой сетью, требовалось найти промежуточные звенья — те точки, где идеология пересекалась с реальной политикой.

Она ввела в поисковый алгоритм фильтр по странам Балтии. Латвия представляла собой идеальный транзитный узел между российской номенклатурой и европейскими институтами.

База данных латвийского регистра предприятий Lursoft выдала карточку организации под названием «Latvijas Totalitāro sektu apkarošanas komiteja» — Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами, также известный как «Антисекта». Дата регистрации — две тысячи седьмой год, ровно через год после официального учреждения РАЦИРС в Москве.

Елена скачала состав учредителей. Олег Никифоров, Виктор Елкин, Светлана Крылова.

Дальнейший кросс-поиск по открытым политическим реестрам показал, что все трое являлись активными функционерами партии «Русский союз Латвии». Сопредседателем этой партии выступала Татьяна Жданок — депутат Европейского парламента.

Родионова переключилась на архивы утечек электронной почты, опубликованные международными консорциумами журналистов-расследователей. В январе две тысячи двадцать четвертого года массив переписки Жданок оказался в открытом доступе.

Елена задала поиск по адресатам. Депутат Европарламента вела регулярную переписку с гражданином Российской Федерации Дмитрием Гладеем. Базы данных идентифицировали Гладея как кадрового офицера Пятой службы ФСБ России, курирующего зарубежные операции.

На экране развернулся текст одного из перехваченных писем, датированного третьим октября две тысячи шестого года. Офицер ФСБ сообщал о своем прибытии на Южный вокзал Брюсселя.

«Очень хорошо, я подойду к MIDI – давай встретимся на платформе у поезда. Если разминемся – у главного входа на вокзал».

Короткая бытовая фраза фиксировала факт личных встреч европейского политика с куратором из российских спецслужб. В других письмах Жданок отправляла Гладею

подробные отчеты о своей деятельности в Европарламенте и запрашивала финансирование на проведение политических акций в Латвии.

Елена начала выстраивать хронологическую таблицу. С одной стороны — политическая линия: депутат Жданок, ее коллеги по партии, их встречи с офицерами ФСБ. С другой стороны — линия антикультовая: латвийский комитет «Антисекта», интегрированный в европейскую сеть FECRIS.

Обе линии сошлись в одной точке в марте две тысячи восемнадцатого года.

Родионова нашла в веб-архиве программу международной конференции FECRIS, проходившей в Риге. Мероприятие открывал Андрей Мамыкин — коллега Жданок по партии «Русский союз Латвии» и депутат Европарламента. В президиуме сидели вице-президенты FECRIS: Александр Дворкин из России и Бранка Дуймич-Делькур из Бельгии. Рядом находились Луиджи Корвалья из Италии и представители американских антикультовых групп.

Елена сохранила фотографии с мероприятия. На снимках люди, формирующие политику европейских правительств в отношении религиозных меньшинств, позировали вместе с функционерами, напрямую связанными с российскими спецслужбами.

Это не было случайным совпадением интересов. Это была системная интеграция.

Родионова обратилась к публикациям самой европейской федерации, чтобы проанализировать их идеологическую базу. Ей нужно было понять, как именно они оправдывают свою деятельность перед западными спонсорами.

Она нашла отчетный доклад FECRIS с мадридского симпозиума, где руководство федерации объясняло причину своего расширения на восток.

«Широкое развитие нашей сети связано с миграцией культов/сект из США и Западной Европы в Восточную Европу, что привело к постепенному созданию восточноевропейских ассоциаций, которые затем стали членами и корреспондентами FECRIS».

Елена скопировала этот фрагмент в свой рабочий документ. Риторика европейской организации, финансируемой правительством Франции, дословно повторяла тезисы российской пропаганды. Для FECRIS главной угрозой выступали не сами религиозные группы, а их «американское происхождение». Они позиционировали себя как защитный барьер Европы от идеологической экспансии Соединенных Штатов. Этот нарратив

идеально ложился в концепцию «духовной безопасности», которую Дворкин и его покровители на Лубянке продвигали внутри России.

Специалист по OSINT продолжила изучать французский вектор. Связь между FECRIS и правительственным агентством MIVILUDES требовала более глубокого погружения в биографии чиновников.

Она открыла досье Жоржа Фенека — бывшего президента MIVILUDES, который после ухода с поста продолжал входить в ориентационный совет агентства. В две тысячи одиннадцатом году Фенек выступал на симпозиуме в Варшаве вместе с Дворкиным и протоиереем Александром Новопашиным — вице-президентом российской ассоциации.

Елена проверила перемещения Фенека за последние годы. В две тысячи девятнадцатом году французский политик Тьерри Мариани организовал визит делегации парламентариев в аннексированный Крым. Целью поездки была легализация статуса полуострова в европейском медиапространстве.

В составе этой делегации, согласно материалам французской прессы и независимых расследователей, находился Жорж Фенек.

Родионова нашла финансовый след этой поездки. Спонсором и организатором визита французских депутатов выступал российский фонд, связанный с бизнесменом, который активно финансировал радикальные православные инициативы и логистику вооруженных формирований на востоке Украины.

Картина приобретала пугающую геополитическую четкость.

Европейские антикультисты не просто боролись с нетрадиционными религиями. Они выступали в роли агентов влияния, лоббирующих интересы российского государства на международной арене. Статус борцов за психологическое здоровье нации обеспечивал им доступ в кабинеты министров, парламенты и структуры Совета Европы. А под прикрытием этого статуса происходила легализация нужных политических нарративов.

Елена перешла к событиям последних месяцев. В феврале две тысячи двадцать второго года началась полномасштабная война. Официальные европейские институты разорвали связи с российскими государственными структурами.

Родионова проверила сайт FECRIS через сервис отслеживания изменений. В апреле две тысячи двадцать второго года упоминания об Александре Дворкине и

российских филиалах были удалены с главной страницы федерации. Внешне это выглядело как разрыв отношений и осуждение агрессии.

Но методы OSINT позволяют видеть то, что скрыто за фасадом публичных заявлений.

Елена ввела в поиск фамилию Романа Силантьева — заместителя Дворкина и создателя так называемой «деструктологии», открыто признававшегося в сотрудничестве с ФСБ.

Базы новостных агрегаторов выдали отчет о поездке Силантьева на оккупированные территории Донбасса в конце июня две тысячи двадцатого второго года. Там он выступал перед студентами, продвигая антизападную идеологию и оправдывая военные действия необходимостью борьбы с «сатанистами» и «сектантами».

Родионова сдвинула временную шкалу на один месяц вперед. Пятнадцатое июля две тысячи двадцатого второго года. Париж.

Она нашла пресс-релиз о проведении во французской столице международной антикультовой конференции, организованной GEMPPI — главным французским отделением FECRIS. Мероприятие открывал казначей европейской федерации Дидье Пашу.

Елена выделила абзац из официального пресс-релиза, опубликованного в сентябре того же года.

«Профессор Роман Силантьев рассказал о новой прикладной науке под названием “деструктология”, которая изучает деструктивные идеологии как религиозного, так и светского характера».

Она перечитала этот текст дважды, чтобы убедиться в отсутствии ошибки перевода.

В разгар крупнейшего военного конфликта в Европе, когда против России были введены беспрецедентные санкции, европейская антикультовая организация, финансируемая французскими налогоплательщиками, официально принимала на своей конференции человека, который за несколько недель до этого занимался идеологической обработкой населения на оккупированных территориях в интересах российских спецслужб.

Удаление фамилий с сайта было лишь косметической мерой. Реальное сотрудничество не прерывалось ни на один день. Международная сеть продолжала функционировать как единый организм, не обращая внимания на государственные границы, санкции и официальную политику Евросоюза.

Родионова открыла программу визуализации связей и начала переносить собранные факты на пустой холст.

В центре она поместила аббревиатуру РАЦИРС. От нее протянула линии к Экспертному совету Минюста и судебной системе России — это был внутренний контур подавления, который они с Вороновым вскрыли прошлой ночью.

Затем она начала выстраивать внешний контур. Линия от РАЦИРС ушла к штаб-квартире FECRIS в Париже. Оттуда векторы разошлись по всей Европе.

Один вектор указывал на Латвию: комитет «Антисекта», партия Жданок, кураторы из ФСБ. Второй вектор вел во Францию: правительственное агентство MIVILUDES, бюджетные миллионы, поездки Фенека в Крым. Третий вектор тянулся в Брюссель и Страсбург: лоббирование законов в Европарламенте, статус при Совете Европы, встречи с кураторами на вокзалах.

Елена добавила в схему американское направление. В архивах ICSA — Международной ассоциации исследования культов — она нашла документы, подтверждающие многолетнее сотрудничество американских депрограммеров Стивена Хассена и Рика Росса с Александром Дворкиным. Их риторика была идентична. Книги Хассена рекомендовались к прочтению в России, а Дворкин использовал его методологию для обоснования репрессий. Сеть не ограничивалась Европой; она проникала в информационное пространство США, легализуя субъективные оценки российских радикалов через публикации в респектабельных изданиях вроде The New York Times.

Схема на мониторе приобрела завершенный вид. Это больше не походило на разрозненные группы общественников, озабоченных психологическим здоровьем граждан.

Перед Еленой находилась карта разветвленной агентурной сети.

Используя стигматизирующий ярлык «секта», эта сеть получала легальный повод для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В России они

обеспечивали спецслужбам списки неблагонадежных граждан и идеологическое обоснование для арестов. В Европе они формировали пророссийские лоббистские группы, дискредитировали демократические институты и продвигали нарративы, выгодные Кремлю.

Под видом защиты традиционных ценностей происходил экспорт тоталитарных практик.

Елена свернула визуализатор и начала методично сохранять исходные файлы. Выписки из реестров, скриншоты переписок, пресс-релизы конференций, финансовые отчеты французских министерств. Она складывала их в отдельную директорию, присваивая каждому документу порядковый номер и краткое описание источника.

В условиях, когда внутренние базы Ситуационного центра блокировались по щелчку мыши генерала Сазонова, единственным надежным хранилищем оставался физический носитель.

Она достала из сейфа резервный флеш-накопитель с аппаратным шифрованием. Система запросила пин-код для монтирования тома. Родионова ввела цифры, дождалась появления иконки диска и запустила процесс копирования директории.

Индикатор прогресса медленно заполнялся зеленым цветом. Объем данных, собранных из открытых европейских источников, превышал два гигабайта. Здесь были доказательства того, что аппаратный саботаж внутри ФСБ преследовал цель защитить не просто группу маргинальных экспертов, а важнейший канал внешнеполитического влияния.

Копирование завершилось. Елена извлекла накопитель из порта и зажала его в ладони. Гладкий металл корпуса холодил кожу.

Она посмотрела на свой заблокированный рабочий терминал. Внутренняя система Кремля по-прежнему отказывалась принимать ее учетные данные. Цифровая связь с Артуром Вороновым была разорвана. Чтобы передать ему этот массив информации и интегрировать европейский транзит в общий таймлайн расследования, ей придется нарушить еще один протокол безопасности и встретиться с ведущим аналитиком лично.

Глава 6. Архитектура монополии

Магнитный замок глухо щелкнул, пропуская Елену в резервную аппаратную Ситуационного центра. Помещение, расположенное на минус втором этаже комплекса на Старой площади, обычно использовалось для автономного тестирования систем связи. Здесь не было окон, а гудение мощных кондиционеров создавало постоянный фоновый шум, поглощающий любые звуки снаружи.

Артур Воронов стоял у широкого стола, на котором располагался изолированный терминал — рабочая станция, физически отключенная от внутренней правительственной сети. После утренней блокировки его основного профиля ведущий аналитик перешел на резервные мощности, не оставляющие цифровых следов на серверах Лубянки.

Елена подошла к столу и положила рядом с клавиатурой тяжелый металлический накопитель.

— Мой доступ в синий контур закрыт, — произнесла она, не тратя времени на приветствия. — Учетная запись заблокирована до выяснения обстоятельств.

— Ожидаемо, — Воронов взял флешку. — Генерал Сазонов действует по классическому протоколу изоляции. Они обрубили нам ведомственные базы, полагая, что без архивов ФСБ и Минюста мы лишимся доказательной базы.

Аналитик вставил накопитель в порт изолированного терминала. Экран мигнул, запрашивая пароль дешифровки. Елена ввела длинную комбинацию символов.

— Здесь весь европейский транзит, — сказала она, пока система монтировала защищенный том. — Финансовые отчеты французских министерств, списки учредителей латвийских комитетов, перехваты переписок депутатов Европарламента с кураторами из Пятой службы. Внешний контур управления.

Воронов быстро просмотрел директории, оценивая объем собранной фактуры.

— Внешний контур доказывает их международный статус, — кивнул он. — Но для итогового доклада Президенту этого недостаточно. Глава государства мыслит категориями внутренней стабильности. Сазонов и его люди в ФСБ продают наверх идею, что структуры Александра Дворкина обеспечивают так называемую «духовную

безопасность» внутри страны. Нам нужно показать, как именно функционирует этот механизм на земле. Полиция и суды — это карательный аппарат. Но кто обеспечивает им массовую аудиторию? Кто формирует ту самую идеологию, ради защиты которой выносятся приговоры?

Елена открыла на терминале отдельную папку, помеченную желтым маркером.

— Я задалась тем же вопросом, когда анализировала региональную статистику, — ответила она. — Полицейские рейды и заказные экспертизы не возникают в вакууме. Им предшествует долгая информационная подготовка на местах. И эту подготовку ведут не чиновники. Ее ведут люди в рясах.

Она вывела на центральный настенный монитор аппаратной базовый граф связей. В центре располагалась аббревиатура РАЦИРС.

— Смотри на структуру, — Елена начала добавлять на экран новые узлы данных. — В тысяче девятьсот девяносто третьем году под эгидой Московской Патриархии был создан Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. Его возглавил Дворкин. Позже этот центр стал ядром для всей ассоциации РАЦИРС.

Воронов наблюдал, как от центрального узла начали расползаться сотни тонких линий. Они тянулись к точкам, разбросанным по всей карте Российской Федерации.

— Это региональные отделения? — спросил аналитик, прищурившись.

— Формально — да, — подтвердила Елена. — Но если мы наложим поверх этой сетки административную карту Русской Православной Церкви, произойдет полное слияние.

Она нажала клавишу, и на экране появилась вторая схема. Узлы РАЦИРС идеально совпали с центрами православных епархий.

— Каждое региональное отделение антикультовой ассоциации базируется при местной епархии РПЦ, — продолжила специалист по OSINT. — Руководителями этих отделений в подавляющем большинстве случаев являются действующие священнослужители, возглавляющие епархиальные миссионерские отделы. Они получают зарплату из церковного бюджета, используют церковные помещения для проведения своих мероприятий и выступают от имени крупнейшей религиозной организации страны.

Воронов подошел ближе к экрану, изучая плотность связей.

— То есть РАЦИРС не просто сотрудничает с церковью. Они встроили свою инфраструктуру в административную вертикаль Московского Патриархата.

— Именно, — кивнула Елена. — Церковь предоставила им логистику, финансирование, а главное — колоссальный кредит доверия населения. Когда оперативник Центра «Э» приходит в школу рассказывать об угрозе сект, это вызывает настороженность. Когда то же самое говорит священник, ссылаясь на тысячелетнюю традицию, люди верят безоговорочно.

Аналитик вернулся к терминалу и открыл файл с историческими справками.

— Интеграция началась давно, — произнес он, просматривая документы. — У меня есть данные по тысяче девятьсот девяносто четвертому и девяносто пятому годам. Московская Патриархия тогда заключила полусекретные соглашения о сотрудничестве со всеми силовыми ведомствами: Минобороны, МВД, пограничными войсками и даже ФАПСИ. Церковная иерархия начала сращиваться с государственным аппаратом принуждения еще до того, как Дворкин развернул свою сеть на полную мощность. Он пришел на подготовленную почву.

— Но почва сопротивлялась, — возразила Елена, открывая следующую директорию. — Внутри самой церкви всегда существовало сильное крыло умеренного духовенства. Священники, которые фокусировались на проповеди Евангелия, образовании и социальной работе. Те, кто считал, что религия должна быть отделена от государственного насилия.

Она вывела на экран таблицу, состоящую из сотен строк. В колонках значились фамилии, епархии, даты и сухие формулировки церковных указов.

— Это статистика решений церковных судов за последние двадцать лет, — пояснила Родионова. — Дела о запрете в служении и лишении сана. Я отфильтровала стандартные дисциплинарные проступки и оставила только те случаи, где священников наказывали за идеологические разногласия.

Воронов начал просматривать список. Даты шли плотным потоком, ускоряясь после двухтысячного года.

— Обрати внимание на корреляцию, — Елена выделила красным цветом несколько десятков строк. — Каждый раз, когда священник публично выступал против агрессивной

риторики, призывал к диалогу с другими конфессиями или критиковал методы работы РАЦИРС, в течение нескольких месяцев против него инициировалось расследование.

Аналитик остановил прокрутку на деле две тысячи восемнадцатого года.

— Протоиерей Владимир Головин, город Болгар, Татарстан, — прочитал Воронов. — Лишен сана. Причина?

— Официально — создание внутриприходской группировки и неподчинение священноначалию, — ответила Елена. — Но давай посмотрим на хронологию событий, предшествовавших церковному суду.

Она открыла архив публикаций и видеозаписей.

— В начале две тысячи восемнадцатого года в Москве проходят Рождественские образовательные чтения — крупнейший церковно-общественный форум. На трибуну поднимается протоиерей Александр Новопашин. Вице-президент РАЦИРС, правая рука Дворкина и официальный консультант МВД по экстремизму. Он зачитывает доклад, в котором обвиняет Головина в создании коммерческого религиозного проекта и сектантстве.

Елена вывела на экран расшифровку интервью Новопашина, данного региональному изданию во Владимирской области в две тысячи девятнадцатом году.

«Вы знаете, совсем недавно был лишен сана протоиерей Владимир Головин из города Болгара в Татарстане. Так получилось, что я сыграл в этом значительную роль. Я первым выступил публично на Рождественских образовательных чтениях в Москве в прошлом году».

Воронов внимательно перечитал цитату.

— Публичное признание, — констатировал аналитик. — Функционер антикультовой организации прямо заявляет, что именно его действия привели к лишению сана священника с многолетним стажем.

— И он не скрывает мотивов, — добавила Родионова, открывая другой фрагмент того же интервью.

«А. Новопашин: Иными словами, как только какая-либо организация, даже если она называет себя православной церковью, выступает против официальной позиции Московской Патриархии… Ведущий: То есть это уже тревожный сигнал, верно? А.

Новопашин: Да, верно. Это уже появление некой гуруистской структуры в данном приходе».

— Определение секты сводится к простому административному несогласию, — произнес Воронов, откидываясь на спинку стула. — Любое отклонение от генеральной линии трактуется как создание деструктивного культа. Это идеальный инструмент для зачистки конкурентов внутри корпорации.

— Это не единичный случай, — Елена вывела на экран публикацию диакона Константина Селезнева, который анализировал дело Головина.

«Мой интерес к этой теме возник из-за поразительного сходства между тем, что происходит сейчас с отцом Владимиром, и тем, что произошло два года назад с архиепископом Иоакимом (Парром): те же люди, те же методы, те же ресурсы. Именно этот факт привлек мое внимание к происходящему».

Воронов скрестил руки на груди, глядя на выстроенную логическую цепочку.

— Значит, церковный суд работает по той же схеме, что и светские суды в регионах, которые мы проверяли прошлой ночью. Светский судья получает готовую экспертизу от специалиста РАЦИРС и выносит обвинительный приговор, не вникая в суть. Церковный суд получает доклад от вице-президента РАЦИРС и лишает священника сана. Механизм идентичен. Разница лишь в юрисдикции.

— Они создали внутри церковного поля собственный контур давления, — тихо сказала Елена. — Систему внутреннего контроля, где решения церковных инстанций могут опираться на материалы и риторику антикультовых центров.

Аналитик обошел стол, продолжая изучать граф на стене.

— Но высшее руководство РПЦ не могло не видеть, как частная ассоциация получает влияние на церковно-дисциплинарные процессы, — рассуждал Воронов. — Вопрос в том, почему этот контур влияния оказался допущен к кадровым и судебным механизмам внутри церковной системы.

Елена открыла файл с аналитикой публичных выступлений главы РПЦ.

— Потому что идеология РАЦИРС оказалась удобной для части церковно-административного контура, — ответила она. — В начале девяностых церковь была слаба и искала свое место в новом государстве. Умеренное духовенство предлагало путь духовного просвещения. Сторонники антикультовой повестки предложили путь войны

и предложили готовую концепцию осажденной крепости, где Россия окружена врагами, а все нетрадиционные религии — это агенты западного влияния.

Она вывела на экран цитату одного священнослужителя, который в начале девяностых годов работал референтом у будущего патриарха Кирилла.

«Если вы посмотрите на его записи, его беседы начала 1990-х годов — “каким либеральным митрополитом он был, как замечательно говорил”. А сейчас он говорит прямо противоположное — называя гуманизм ересью. Как профессиональный советник, я скажу вам, что высшее мастерство любого советника — сделать так, чтобы мысли, которые вы вложили в голову своего начальника, казались его собственными — его собственной творческой идеей».

Воронов кивнул, узнавая знакомый аппаратный паттерн.

— Классическая работа с лицом, принимающим решения. Советники формируют информационную повестку, отсекают альтернативные источники данных и постепенно меняют картину мира руководителя. Антикультовый контур годами транслировал в церковные структуры отчеты о заговорах, сектах и угрозах национальной безопасности. В итоге высшее руководство церкви искренне поверило, что единственный способ выжить — это стать жесткой, унифицированной идеологической машиной.

— И эта машина начала перемалывать своих же, — добавила Родионова. — Тех, кто помнил изначальные христианские принципы. Тех, кто говорил о ненасилии.

Она открыла последний блок документов. Это были внутренние циркуляры Московской Патриархии за последние два года.

— Процесс трансформации завершен, — Елена выделила текст недавнего распоряжения. — Управление делами Московской Патриархии ввело обязательную для приходской практики молитвенную формулу, в которой содержится просьба о победе. Это официальный внутрицерковный документ, связанный с поддержкой действующей военной повестки.

Воронов вчитался в сухие бюрократические формулировки директивы.

— А санкции за неисполнение? — спросил он.

— Запрет в служении и лишение сана, — Елена показала несколько свежих указов церковного суда. — Уже есть задокументированные случаи, когда священников лишали

сана просто за то, что они выражали мнение о необходимости молиться за мир, а не за победу в войне.

Аналитик отошел от экрана и сел за терминал. Картина, которую они собирали по крупицам из разрозненных баз данных, обрела пугающую монолитность.

— Давай подведем промежуточный итог для доклада, — Воронов открыл текстовый редактор и начал быстро набирать тезисы. — Пункт первый. Антикультовая сеть РАЦИРС не является независимой общественной организацией. Это жестко структурированная идеологическая корпорация, интегрированная в административную вертикаль Русской Православной Церкви.

Он напечатал следующую строку.

— Пункт второй. Используя ресурсы отдельных епархий и публичных площадок, функционеры РАЦИРС получали доступ к широкой аудитории, формируя у населения образ внутреннего врага в лице нетрадиционных религиозных или общественных групп.

Елена следила за появляющимся текстом.

— Пункт третий, — продолжила она логику аналитика. — Структуры Дворкина, получили возможность влиять на отдельные церковно-дисциплинарные процессы, превращая их в инструмент давления на умеренное духовенство. Любой священник, отказывающийся транслировать агрессивную риторику или выступающий против милитаризации церкви, подвергается травле, обвиняется в сектантстве и лишается сана.

Воронов зафиксировал этот тезис и перешел к главному выводу.

— Пункт четвертый. Архитектура монополии. Отдельные представители силового и ведомственного контура создают юридические и административные условия. Церковная инфраструктура предоставляет площадки и моральный авторитет. А РАЦИРС выступает как координирующий экспертный узел, направляющий эту объединенную мощь против идеологических конкурентов.

Аналитик перечитал написанное. Текст был сухим, лишенным эмоций, опирающимся исключительно на даты, фамилии и номера приказов. Именно такой формат требовался для президентской папки.

— Они превратили самую массовую религию страны в таран, — тихо произнес Воронов. — Идеология превосходства, упакованная в традиционные ценности. Они деформировали правовое поле с помощью спорных экспертиз, доносов и

дисциплинарных процедур. И теперь у них абсолютная монополия на формирование мировоззрения граждан.

Елена посмотрела на мерцающий экран терминала.

— Если этот доклад ляжет на стол Президенту, он увидит, что часть его опорных институтов могла быть втянута в параллельный контур влияния небольшой группы радикалов.

— Именно поэтому генерал Сазонов готов пойти на должностное преступление, чтобы заблокировать нашу работу, — Воронов сохранил файл с тезисами. — Он защищает не просто агентурную сеть. Он защищает систему теневого управления государством.

Аналитик посмотрел на часы. Время близилось к полудню. Блокировка их рабочих профилей была лишь первым шагом. Лубянка не остановится на программных запретах. Когда Сазонов поймет, что аналитическая группа продолжает собирать фактуру в обход синего контура, в ход пойдут административные меры физического воздействия.

Воронов перевел взгляд на Елену. Они оба понимали, что пересекли черту, за которой ведомственная субординация теряет смысл. Теперь это была гонка на опережение. Им предстояло превратить собранный массив данных в официальный документ, способный пробить бюрократическую броню и достичь первого лица государства до того, как система успеет их уничтожить.

Глава 7. Красный свет

— Вы понимаете, что эти распечатки означают конец вашей карьеры?

Следователь Управления собственной безопасности Администрации Президента не повышал голос. Он сидел за приставным столом в кабинете отдела кадров, методично перекладывая листы формата А4. На каждом листе был зафиксирован лог поискового запроса, время сессии и IP-адрес терминала.

Елена Родионова смотрела на аккуратные стопки бумаги. Кабинет находился на первом этаже, окна выходили во внутренний двор, перекрытый глухой стеной соседнего корпуса. Воздух здесь казался спертым, пропитанным запахом старой бумажной пыли и дешевого полироля для мебели.

— Я специалист по мониторингу открытых данных, — ровно ответила она. — В мои должностные обязанности входит анализ информационного поля и выявление скрытых связей между публичными акторами. Все запросы осуществлялись исключительно по открытым европейским реестрам и опубликованным базам данных.

Следователь, мужчина лет пятидесяти с непроницаемым, серым лицом, сдвинул верхний лист.

— Открытые базы данных, — произнес он, словно пробуя слово на вкус. — Давайте посмотрим на вашу выборку. Вы целенаправленно искали информацию по депутату Европарламента Татьяне Ж., затем выстроили граф ее контактов. И вышли на гражданина Российской Федерации Дмитрия Гладея.

Он поднял взгляд на Елену.

— Вы знаете, кто такой Дмитрий Гладей?

— Согласно утечкам из европейских почтовых серверов, он является он назван лицом, связанным с Пятой службой ФСБ России.

— Вот именно, Родионова. Вы, используя служебное положение и рабочее время, занимались деанонимизацией кадрового сотрудника российских спецслужб, выполняющего задачи за рубежом. Вы агрегировали данные о его перемещениях, встречах на вокзалах Брюсселя и контактах с европейскими политиками.

— Эта информация уже два года лежит в открытом доступе в сети интернет, — возразила Елена, стараясь сохранить спокойствие. — Ее опубликовали международные консорциумы журналистов. Я лишь сопоставила этот факт с деятельностью европейской антикультовой сети.

Следователь аккуратно сложил листы в папку и закрыл ее.

— Агрегация открытых данных с целью вскрытия методов работы и кадрового состава органов государственной безопасности классифицируется как угроза национальным интересам. В вашем случае это подпадает под признаки преступления,

предусмотренного статьей 283.1 Уголовного кодекса. Несанкционированный сбор информации о деятельности спецслужб.

Елена почувствовала, как напряглись мышцы спины. Генерал Сазонов действовал с пугающей скоростью. Поняв, что блокировка внутренних учеток не остановила расследование, Лубянка задействовала аппарат Управления собственной безопасности АП, чтобы физически изолировать аналитика.

— Я готовила материалы для Ситуационного центра, — твердо сказала она. — По запросу ведущего аналитика Воронова.

— Ведущий аналитик Воронов не имеет полномочий санкционировать контрразведывательные мероприятия в отношении смежных ведомств, — отрезал следователь. Он достал из ящика стола заранее отпечатанный бланк. — С этой минуты ваша вторая форма допуска к государственной тайне приостановлена. Ваша электронная подпись аннулирована. Вы отстраняетесь от исполнения служебных обязанностей на время проведения проверки.

Он придвинул бланк к Елене и положил рядом шариковую ручку.

— Ознакомьтесь и распишитесь. И я настоятельно рекомендую вам нанять хорошего адвоката. Если мы дадим ход материалам по статье о несанкционированном сборе данных, одним увольнением вы не отделаетесь.

Елена взяла ручку. Система защищала себя, используя регламенты как оружие. Любое прикосновение к теневой архитектуре государства трактовалось как измена. Она поставила подпись в графе ознакомления, понимая, что теперь вся тяжесть легализации собранного материала ложится исключительно на Артура.

В резервной аппаратной на минус втором этаже Ситуационного центра Артур Воронов методично заполнял поля электронной формы 12-П. Это был стандартизированный шаблон Предварительной аналитической записки — документа, который служил фундаментом для любого доклада на имя Президента.

Интерфейс текстового редактора правительственной сети не допускал вольностей. Жестко заданные поля: «Суть проблемы», «Фактологическая база», «Оценка угроз», «Предлагаемые меры». Воронов работал в автономном режиме, зная, что как только он подключит терминал к шлюзу маршрутизации, документ попадет в жернова межведомственного согласования.

Он перешел к блоку фактологической базы. Собранные ими с Еленой данные нужно было перевести с языка расследования на сухой язык государственного управления. Президенту не нужны эмоции. Ему нужны доказательства того, что его собственная власть подвергается эрозии.

Воронов начал печатать раздел о проникновении структур РАЦИРС в культурную и судебную сферы. В качестве эталонного примера он выбрал дело об оправдании терроризма в отношении создателей спектакля «Финист Ясный Сокол» — режиссера Евгении Беркович и драматурга Светланы Петрийчук.

Аналитик открыл материалы независимых исследователей и начал переносить суть в записку. Сама пьеса несла ярко выраженный антитеррористический посыл, раскрывая механизмы вербовки женщин в радикальные исламистские сети. Однако в материалах обвинения заметную роль играла так называемая «деструктологическая экспертиза», выполненная Романом Силантьевым — соратником Александра Дворкина.

Воронов вписал в документ сухой факт: официальный Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте признал, что «деструктология» не существует как научная дисциплина. Тем не менее, суд проигнорировал позицию государственного органа и принял экспертизу функционера РАЦИРС.

Затем Воронов добавил данные о второй экспертизе по этому делу, выполненной Светланой Мочаловой — штатным экспертом ФСБ. Он подтянул справку от сообщества «Диссернет», анализировавшего ее предыдущие работы.

«В заключении отсутствуют ссылки на современную научную литературу, не названы и не описаны применяемые методы исследования, а выводы делаются на основе поверхностного анализа текстов, без учета широкого спектра текстовых характеристик».

Воронов свел этот массив в один абзац: «Фиксируется устойчивая практика подмены государственной судебной экспертизы частными мнениями аффилированных с РАЦИРС лиц. Данный прецедент представляет собой информационный террор против культурной интеллигенции, формируя атмосферу страха и самоцензуры. Структуры РАЦИРС узурпировали право определять границы дозволенного в искусстве, демонстрируя, что их влияние превосходит нормы Уголовно-процессуального кодекса».

Он перешел к следующему разделу — манипуляция законодательством и отвлечение ресурсов спецслужб.

Здесь идеальной иллюстрацией служил «Закон Яровой». Воронов поднял стенограммы обсуждений две тысячи шестнадцатого года. Сенатор Елена Мизулина, давняя союзница Дворкина, активно лоббировала ужесточение контроля и префильтрацию сообщений в мессенджерах. Она ссылалась на данные Лиги безопасного интернета о неких закрытых группах, где подростков якобы зомбируют на убийство полицейских. Никаких объективных доказательств масштаба этой угрозы представлено не было.

Воронов быстро набирал текст: «Инициативы, продвигаемые лоббистами антикультового движения в парламенте, привели к масштабному перераспределению ресурсов правоохранительной системы. Оперативный состав МВД и ФСБ был отвлечен от борьбы с реальным терроризмом и перенаправлен на преследование религиозных меньшинств и контроль за информационным пространством. Статистика демонстрирует, что в последующие годы уровень реальной террористической угрозы в стране возрос, что свидетельствует о критическом снижении эффективности системы безопасности из-за навязанной ей ложной повестки».

Аналитик остановился, чтобы выпить воды из пластиковой бутылки. Текст получался плотным, как бетон. Он выстраивал доказательную базу того, что государственная машина работает вхолостую, обслуживая интересы узкой группы радикалов.

Следующий блок касался использования карательной психиатрии. Воронов загрузил в приложение справку по делу Александра Сизикова — незрячего инвалида первой группы, практикующего мусульманина из Крыма. В две тысячи двадцатом году сотрудники ФСБ задержали его, обнаружив дома запрещенную литературу. Книги не имели тактильного шрифта Брайля, и слепой человек физически не мог их читать. Тем не менее, следствие направило Сизикова на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу.

Воронов вписал этот кейс как пример опасного использования психиатрической экспертизы в политизированных делах: «Наблюдаются признаки репрессивного применения психиатрических процедур. Правоохранительные органы, действуя в рамках антикультовой парадигмы, могут использовать медицинские меры принуждения в спорных экстремистских делах, что подрывает базовое доверие населения к государственным институтам».

Оставался последний, самый опасный раздел записки. Прямая угроза конституционному строю.

Аналитик должен был показать Президенту, что люди, которым делегировано право защищать традиционные ценности, создают риски политической дестабилизации.

Он открыл досье Константина Путника — руководителя миссионерского отдела Челябинской епархии и официального представителя РАЦИРС в регионе. Воронов вывел на экран статью Путника под названием «Ушат холодной воды на горячие патриотические головы».

Аналитик скопировал фрагмент текста прямо в тело предварительной записки.

«Я скажу вам даже больше: такой попытки “замены” нынешнего главы государства следует ожидать, потому что, если она не произойдет, это поставит перед общественным сознанием еще один крайне важный вопрос: не является ли продолжающаяся специальная военная операция на Украине фрагментом какой-то сложной интриги, смысл которой мы пока не понимаем, но где марионетками выступают не только Зеленский, но и его российский коллега?»

Воронов напечатал комментарий под цитатой: «Официальный функционер антикультовой сети публично обсуждает возможность “замены” действующего главы государства и допускает тезис о его участии в непонятной политической интриге. В то время как рядовые граждане получают реальные сроки лишения свободы за репосты в социальных сетях (справочно: дело Дмитрия Третьякова, два года условно за репост), в отношении представителей РАЦИРС сопоставимой публичной реакции не последовало. Это может указывать на селективность правоприменения и наличие влиятельной защиты, затрудняющей проверку данных лиц».

Документ был готов. Сорок две страницы концентрированной фактуры, ссылок на реестры, судебные приговоры и финансовые проводки.

Воронов сохранил файл. Теперь предстоял самый сложный этап — легализация.

Архитектура государственного документооборота была выстроена таким образом, что ни один аналитический материал, касающийся вопросов национальной безопасности, экстремизма или религиозной обстановки, не мог попасть на стол к Президенту без обязательной верификации профильного ведомства. Это был так

называемый «принцип дублирования», призванный защитить главу государства от недостоверной информации.

На практике этот принцип превратился в идеальный инструмент цензуры. Спецслужбы получили право вето на любую аналитику, исходящую из гражданских управлений Администрации Президента. Без цифровой подписи куратора из ФСБ документ юридически не существовал. Он оставался просто текстом на экране, лишенным регистрационного номера и права на включение в утреннюю красную папку.

Воронов подключил изолированный терминал к шлюзу внутренней маршрутизации. Система запросила параметры отправки.

Он выбрал форму «Направление на межведомственное согласование». В графе адресата указал Вторую службу ФСБ — Управление по защите конституционного строя. Именно туда стекались все материалы по религиозному экстремизму. Именно там сидел генерал-майор Сазонов.

Аналитик нажал клавишу ввода.

На экране появилась стандартная серая плашка с индикатором статуса: «Документ загружен в систему. Ожидание цифровой подписи профильного ведомства».

Воронов откинулся на спинку рабочего кресла. Часы в правом нижнем углу монитора показывали четырнадцать ноль-ноль. По регламенту у ведомства было двадцать четыре часа на рассмотрение предварительной записки. Но Сазонов знал, что Воронов копает под его агентурную сеть. Генерал не станет тянуть время.

В тишине аппаратной было слышно только монотонное гудение серверов, поддерживающих работу правительственной связи. Воронов смотрел на серую плашку статуса. Вся проделанная ими работа, бессонные ночи Елены, сотни проанализированных траншей и судебных приговоров — все это сейчас зависело от одного клика мыши в кабинете на Лубянке.

Бюрократическая система была совершенна в своей замкнутости. Она не требовала физического устранения оппонентов. Ей было достаточно просто не выдать регистрационный номер.

Терминал издал короткий, резкий звуковой сигнал.

Воронов подался вперед. Прошло всего восемнадцать минут с момента отправки. Ни один аналитический отдел ФСБ не смог бы за это время прочитать сорок две

страницы текста, проверить фактуру по базам данных и подготовить мотивированное заключение.

Серая плашка на экране мигнула и сменила цвет. Она стала ярко-красной.

Воронов вчитался в появившийся текст. Это был не развернутый ответ. Это была автоматическая отбивка системы электронного документооборота, генерируемая при нажатии кнопки «Отклонить» на стороне принимающего ведомства.

«ОТКАЗ В ВЕРИФИКАЦИИ. Данные не подтверждаются оперативной обстановкой. Документ снят с маршрутизации. Дальнейшее продвижение заблокировано».

Система автоматически присвоила файлу статус архивного черновика. Кнопка «Отправить в секретариат Президента» стала неактивной, окрасившись в бледно-серый цвет.

Воронов не отрывал взгляда от красного прямоугольника на мониторе. Сазонов нанес удар прямо в лоб. Он даже не стал утруждать себя написанием формальных возражений или запросом дополнительных материалов. Он просто использовал свое право вето, помножив на ноль всю собранную аналитиками доказательную базу.

Красный свет горел на экране, фиксируя абсолютную победу силовой бюрократии над интеллектуальным анализом. Юридически расследование было мертво. Ни один клерк в Администрации Президента не рискнет распечатать документ, на котором стоит официальный запрет Федеральной службы безопасности.

Воронов медленно положил ладони на стол. Система сработала именно так, как и была спроектирована. Она защитила своих. И теперь, когда официальный путь был наглухо перекрыт бетонным блоком ведомственного отказа, оставалось только одно. Изучить этот блок под микроскопом.

Глава 8. Пустой отказ

Шестнадцатизначный идентификатор единой системы электронного документооборота в левом верхнем углу отсутствовал.

Артур Воронов вывел на экран резервного терминала свойства входящего пакета данных, содержащего отказ Второй службы ФСБ. В государственной бюрократии отсутствие регистрационного штрихкода означало процессуальную аномалию высшего порядка. Любой документ, пересекающий контур Администрации Президента и направляемый в смежное ведомство, автоматически маршрутизировался через центральный сервер СЭД. Там ему присваивался уникальный хеш, фиксировалось время поступления в секретариат адресата, фамилия исполнителя и резолюция руководителя.

Отказ, заблокировавший предварительную аналитическую записку Воронова, представлял собой «пустой» XML-файл.

Аналитик открыл код документа в текстовом редакторе. Теги <RoutingPath> обрывались на выходном шлюзе Ситуационного центра. Входящих отметок со стороны Лубянки не существовало. Поле <Executor> было пустым. Присутствовала только финальная электронная цифровая подпись генерал-майора Сазонова и статус «Отклонено».

Воронов откинулся от стола, анализируя техническую картину. Чтобы отправить такой ответ, Сазонов должен был перехватить документ до того, как он попадет в официальную базу входящей корреспонденции ФСБ. Генерал не спускал записку в профильный отдел для объективной проверки фактуры. Он не назначал экспертов для оценки тезисов о сращивании структур РАЦИРС с государственным аппаратом. Увидев в заголовке фамилию Дворкина и данные по антикультовой сети, Сазонов просто использовал свой административный доступ высшего уровня, чтобы наложить прямое вето.

Этот процессуальный сбой менял статус происходящего. Отказ перестал быть институциональным решением ведомства. Он превратился в акт аппаратного саботажа конкретного должностного лица, защищающего свои личные интересы в обход государственных регламентов.

Воронов скопировал XML-код в отдельную защищенную директорию. Ошибка генерала давала аналитикам инструмент для контратаки, но для этого требовалось завершить формирование общей картины.

Встреча была назначена на четырнадцать тридцать.

Фрунзенская набережная в это время суток продувалась резким ветром с реки. Гранитные парапеты поглощали шум редких автомобилей. Елена Родионова стояла у чугунной ограды, глядя на свинцовую воду. На ней было темное шерстяное пальто, воротник поднят. Отстранение от должности и аннулирование второй формы допуска лишили ее права находиться в периметре правительственных зданий, переведя в статус гражданского лица, находящегося под следствием Управления собственной безопасности.

Воронов подошел сбоку, встав так, чтобы закрыть ее от порывов ветра.

— Наружное наблюдение? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Отсутствует, — ответила Елена, не отрывая взгляда от реки. — УСБ АП работает по бумажным регламентам. Они изъяли мой рабочий пропуск, заблокировали учетные записи и отправили дело в архив до окончания внутренней проверки. Физическая слежка требует санкции оперативного управления, а Сазонов не станет привлекать лишнее внимание к моему маршруту. Ему нужна тишина.

Она достала из кармана пальто черный пластиковый прямоугольник — защищенный носитель стандарта MicroSD — и положила его на парапет между ними.

— Я закончила сведение векторов на домашнем оборудовании, — произнесла Родионова. — Здесь финальный таймлайн. Мы ошибались, полагая, что конечная цель РАЦИРС — это просто зачистка религиозного поля и монополизация влияния внутри страны. Это лишь этап развертывания инфраструктуры.

Воронов накрыл носитель ладонью и убрал во внутренний карман пиджака.

— Инфраструктуры для чего?

— Для расширения социального контроля и подготовки к масштабной эскалации, — голос Елены оставался ровным, лишенным эмоций, как на брифинге. — Я проанализировала историю принятия так называемого «Закона Яровой» в две тысячи шестнадцатом году. Официально он подавался как антитеррористический пакет. Но если поднять стенограммы и отзывы профильных министерств, картина меняется.

Правительство не участвовало в разработке закона. Минкомсвязи узнало о финальных правках в последний момент.

Она повернулась к аналитику.

— В материалах независимых исследователей есть прямая цитата федерального чиновника, работавшего с Администрацией Президента в тот период.

«Идеологами закона выступают структуры, аффилированные с ФСБ. Идея нормы о хранении данных исходила не от правоохранительных органов, но была ими одобрена».

— Хранение всего массива пользовательских данных требует колоссальных мощностей, — заметил Воронов. — Операторы связи заявляли о триллионных убытках. Ни один коммерческий игрок не был выгодоприобретателем.

— Именно, — кивнула Елена. — Бизнес-интересы здесь вторичны. Целью было создание технической базы для контроля над обществом. И этот контроль передавался в руки тех самых структур, которые годами обкатывали технологии травли на религиозных меньшинствах. Антикультовая сеть Дворкина создала методологию: как объявить любую группу людей деструктивной, как сфабриковать экспертизу, как использовать суды для ликвидации оппонентов. «Закон Яровой» дал им инструмент для масштабирования этой методологии на все население страны.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

— На носителе есть анализ публичных выступлений независимых исследователей, изучавших деятельность этой сети. В этих материалах антикультовый контур сопоставляется с историческими механизмами дегуманизации: риторикой расчеловечивания, проникновением в силовые структуры и созданием образа внутреннего врага. И эта логика уже не ограничивается границами России.

Елена перечислила факты, собранные в открытых базах.

— Вспомни дело Пабло Гонсалеса, испанского журналиста, который оказался агентом ГРУ Павлом Рубцовым. Он был внедрен в окружение российской оппозиции в Европе, собирал данные и передавал их кураторам. После обмена заключенными в августе две тысячи двадцатого четвертого года его встречали в Москве с воинскими почестями. Эта агентурная сеть работает по одним и тем же лекалам, что и антикультовые структуры. Они используют обвинения в шпионаже и сектантстве

зеркально: в России они называют неугодных агентами Запада, а в США и Европе те же самые антикультисты обвиняют свои мишени в работе на Путина.

Воронов смотрел на тяжелые серые волны. Логика антагонистов приобретала пугающую стройность.

— Они создают искусственный конфликт со всех сторон, — резюмировал он. — Разделяют общество внутри страны, атакуя независимые объединения. И одновременно используют сети влияния за рубежом, провоцируя эскалацию. К тому же, глава государства находится в информационном вакууме, а группа лиц, контролирующая часть силового и антикультового контура, подменяет реальную картину мира управляемыми угрозами.

Воронов медленно кивнул.

— Отказ Сазонова подтверждает этот тезис. Генерал нарушил протокол маршрутизации СЭД, чтобы не допустить наш доклад наверх. Он действует не как офицер государственной безопасности, а как администратор этой теневой структуры.

— Тебе нужно доказать факт саботажа, — Елена плотнее запахнула пальто. — Без этого доклад останется просто черновиком на изолированном терминале. УСБ уже начало копать под меня. Если ты попытаешься обойти систему без железных доказательств должностного преступления Сазонова, они уничтожат и тебя.

— Я найду доказательства, — ответил Воронов. — Если Сазонов действовал вручную, он оставил следы в логах Ситуационного центра.

Они расстались у станции метро. Елена спустилась в подземный переход, растворившись в толпе пассажиров, а Воронов направился обратно на Старую площадь. Ему предстояло вскрыть внутреннюю архитектуру правительственной сети.

В шестнадцать сорок Воронов вернулся в резервную аппаратную на минус втором этаже. Подключив носитель Елены к терминалу, он перенес финальный таймлайн в общую директорию расследования. Затем аналитик открыл консоль администратора базы данных Ситуационного центра.

Отказ Сазонова не прошел через СЭД, но любой внешний запрос к базам Администрации Президента фиксировался на уровне сетевых шлюзов. Воронов запустил скрипт поиска по уникальному идентификатору пользователя (UID), принадлежащему куратору Второй службы ФСБ.

Система обрабатывала запрос несколько минут. Наконец, на черном фоне консоли появились белые строки системного журнала.

Воронов начал изучать сессии. Сазонов действительно авторизовался в системе напрямую, минуя секретариат. Но внимание аналитика привлекло другое. После того как генерал нажал кнопку «Отклонить» на предварительной записке, его сессия не завершилась.

UID Сазонова перешел в архивный сегмент Ситуационного центра — туда, где хранились первичные оперативные сводки из регионов, на основе которых Воронов и Елена строили свой первоначальный анализ.

Аналитик проследил за командами, отправленными с терминала Лубянки.

[14:12:05] EXECUTE: SELECT * FROM regional_reports WHERE tags IN ('РАЦИРС', 'Дворкин', 'судебная_экспертиза')[14:15:22] EXECUTE: DELETE FROM regional_reports WHERE report_id = '77-TMSK-2010'[14:18:40] EXECUTE: DELETE FROM regional_reports WHERE report_id = '59-PRM-2013'

Сазонов зачищал базу. Он удалял первичные отчеты региональных управлений, которые могли послужить документальным подтверждением тезисов Воронова.

Аналитик немедленно запросил теневые копии удаленных файлов из резервного хранилища, доступ к которому имел только технический персонал АП. Файлы восстановились в виде зашифрованных текстовых блоков. Воронов применил дешифратор и открыл первый документ — отчет из Томска за две тысячи десятый год.

Это была внутренняя справка о суде над книгой «Бхагавад-гита как она есть». Инициатором запрета религиозного текста выступал местный сотрудник ФСБ. В справке содержались показания руководителя экспертной группы Сергея Аванесова, декана философского факультета Томского университета и активного функционера миссионерского отдела РПЦ.

Воронов вчитался в восстановленный текст допроса.

Справка показывала, что экспертиза могла быть подготовлена с существенными процессуальными нарушениями и при сильной зависимости от инициативы силового ведомства, а роль «эксперта» была ограничена организационными и редакторскими функциями. Более того, атака на книгу в медиа началась за день до передачи дела в суд,

и ее инициировал Максим Степаненко — руководитель миссионерского отдела местной епархии и соратник Дворкина.

Сазонов удалил этот отчет, потому что он документально подтверждал опасную связку: инициатива силового ведомства — спорная экспертиза — медийное прикрытие антикультового контура — судебный процесс.

Воронов открыл второй восстановленный файл — отчет из Перми по делу Елены Брессель.

В этом кейсе структуры антикультистов использовались для решения частного коммерческого конфликта. Бывший муж Брессель, по материалам отчета, привлек адвоката Корелова, связанного с антикультовым контуром, чтобы использовать семейный конфликт для давления на женщину в вопросах родительских прав и имущества. Для этого они представили в суд заключение, объявляющее ее психически нездоровой.

В удаленном отчете содержался анализ деятельности фирмы, выдавшей это заключение.

«Характерной особенностью таких подставных фирм является то, что подобная компания числится без оборотов и штата сотрудников: как правило, у нее есть только учредитель, директор и, возможно, бухгалтер. В данном случае выводы делались на основе личных мнений лиц с сомнительной квалификацией, а в качестве подтверждающих доказательств приобщались материалы их собственной сектоведческой конференции».

Удаление этих документов из базы Ситуационного центра выглядело как должностное преступление. Сазонов уничтожал государственные архивы, чтобы скрыть факты использования сомнительных экспертных организаций и психиатрического давления в интересах антикультовой сети.

Воронов выдвинул нижний ящик стола и достал аппаратный криптографический ключ — металлический токен стандарта Рутокен ЭЦП, предназначенный для хранения секретных данных высшего уровня допуска.

Он вставил токен в USB-порт изолированного терминала.

Аналитик методично, файл за файлом, начал копировать доказательную базу. Сначала он перенес XML-код пустого отказа, фиксирующий нарушение регламента СЭД.

Затем выгрузил системный журнал с UID Сазонова, подтверждающий факт прямого доступа к архиву. В конце он скопировал восстановленные тексты отчетов из Томска и Перми, прикрепив к ним хеш-суммы, доказывающие время их первоначального создания и факт последующего удаления.

Процесс копирования занял четыре минуты. Зеленая полоса индикатора на экране заполнилась до конца.

Воронов извлек металлический токен. Металл был слегка теплым от работы процессора.

Теперь у него в руках находилась не просто аналитическая гипотеза. У него была задокументированная цепочка цифровых следов.

Отказ ФСБ, который должен был стать бетонной стеной на пути расследования, превратился в главное вещественное доказательство аппаратного саботажа. Сазонов, уверенный в своей безнаказанности и абсолютной власти над цифровыми потоками, оставил отпечатки пальцев на самом чувствительном механизме государственного управления.

Воронов положил токен во внутренний карман, рядом с флешкой Елены. Доказательная база была сформирована. Оставалось решить главную задачу — как доставить этот массив информации на стол Президенту в условиях, когда все официальные электронные каналы связи контролируются людьми, готовыми пойти на служебное преступление ради сохранения своей монополии.

Глава 9. Сведение векторов

Желтый светодиод на корпусе аппаратного криптографического ключа мигнул и загорелся ровным светом.

Артур Воронов сидел за терминалом в пустой аппаратной Ситуационного центра. На часах в правом нижнем углу монитора светились цифры 02:15. Ночная смена на минус втором этаже комплекса на Старой площади всегда отличалась особой, плотной

тишиной, сквозь которую пробивался только низкочастотный гул систем охлаждения серверных стоек.

Официально расследование было мертво. Отказ Второй службы ФСБ, зафиксированный в виде пустого XML-файла, закрыл любые легальные пути для продвижения предварительной записки. Но именно этот процессуальный сбой, подтвержденный логами прямого доступа генерала Сазонова к архивам и удалением первичных отчетов, давал аналитику право на экстренный шаг.

Воронов открыл специализированный текстовый редактор, изолированный от внешней маршрутизации. Ему предстояло написать итоговый текст доклада для Президента. Не предварительную справку, не межведомственный запрос, а финальный документ высшей категории секретности.

Правила подготовки таких текстов подчинялись жесткому принципу «перевернутой пирамиды». Глава государства не должен продираться сквозь десятки страниц рассуждений, чтобы понять суть. Генеральный вывод всегда помещался в первый абзац первой страницы. Дальше следовал сжатый контекст, затем — сухая фактология, очищенная от любых эмоций, домыслов и оценочных суждений.

Аналитик установил параметры страницы: шрифт Times New Roman, четырнадцатый кегль, полуторный интервал. Стандарт, не менявшийся десятилетиями.

Он занес пальцы над клавиатурой и напечатал заголовок: «О критической угрозе национальной безопасности и попытке неконституционного захвата институтов государственного управления».

Ниже, без отступов, Воронов начал формулировать главную мысль, ради которой они с Еленой Родионовой подняли терабайты данных.

«Анализ разрозненных инцидентов в сферах внутренней политики, правоприменительной практики и медийного пространства за период с 2009 по настоящее время выявил признаки скоординированной стратегии дестабилизации государственного аппарата. Установлено, что группа лиц, выступающая под эгидой Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), предпринимает действия, направленные на захват отдельных институтов государственного управления. Используя антикультовую риторику в качестве прикрытия, данная структура сформировала внутри данная структура могла сформировать внутри отдельных силовых

и ведомственных структур автономную сеть влияния, действующую в обход официальных решений руководства страны».

Воронов остановился, перечитывая абзац. Текст звучал сухо, но каждое слово опиралось на массив доказательств, сохраненный на Рутокене.

Он перешел к следующему блоку — визуализации данных. Текст без графического подтверждения останется просто текстом. Президенту нужен таймлайн, доказывающий, что события не являются совпадением.

Аналитик запустил внутреннюю утилиту построения графов и временных шкал. На черном фоне рабочей области он начал расставлять узловые точки.

Первый слой таймлайна — финансовый. Воронов загрузил данные по 74 траншам президентских грантов, выделенных Центру священномученика Иринея Лионского. На графике появились синие маркеры дат.

Второй слой — информационный. Он наложил на шкалу даты начала агрессивных кампаний в прессе против религиозных меньшинств. Система автоматически соединила синие маркеры с красными. Воронов выделил интервалы жирным шрифтом: ровно четырнадцать дней между каждым траншем и началом травли. График наглядно демонстрировал, что государственные деньги использовались для оплаты заранее спланированных информационных атак.

Третий слой — правоприменительный. Аналитик добавил сорок обвинительных приговоров, вынесенных на основе сфабрикованных экспертиз. Он прикрепил к этому блоку восстановленные отчеты из Томска и Перми. На экране выстроилась безупречная причинно-следственная цепь: транш — медийная подготовка — вмешательство аффилированного с РАЦИРС эксперта — судебное решение.

Четвертый слой — кадровый. Зеленые векторы потянулись от дат судебных приговоров к датам повышения сорока судей в квалификационном классе или перевода в вышестоящие инстанции.

Воронов экспортировал получившийся многоуровневый график в основной документ. Визуализация занимала целую страницу. Под ней он напечатал пояснение:

«Представленная хронология указывает на синхронность финансовых, информационных и судебных процессов. Такая координация требует проверки на предмет централизованного управления. Государственный аппарат правосудия мог

использоваться как инструмент перераспределения административных благ в интересах узкой группы лиц».

Теперь следовало перейти к методологии противника. Воронов открыл сохраненные Еленой файлы с материалами независимых исследователей. Ему нужно было перевести их выводы на язык сухих фактов, отделив задокументированные действия от интерпретаций.

Он создал раздел «Механизмы информационного терроризма и дистанционного воздействия».

В материалах выдвигалась версия о том, что антикультовая сеть использует медиа для радикализации нестабильных личностей и подталкивания их к насильственным действиям против политиков. В качестве примеров приводились покушения на премьер-министра Словакии Роберта Фицо и кандидата в президенты США Дональда Трампа. Независимые аналитики указывали на риск того, что нападавшие находились под длительным воздействием специфических пропагандистских нарративов, продвигаемых через площадки и при участии представителей антикультовой сети.

Воронов он написал:

«Фиксируется применение технологий массового психологического воздействия через подконтрольные медиа-ресурсы. Целью данных кампаний является дестабилизация эмоционального состояния целевых аудиторий. Анализ международных инцидентов (покушения на политических лидеров в Словакии и США) выявляет единый паттерн: исполнители преступлений находились под длительным информационным давлением структур, транслирующих антикультовую и радикальную повестку. Данный метод позволяет устранять политических оппонентов чужими руками, маскируя спланированные акции под действия нестабильных одиночек».

Он добавил ссылку на материалы о том, как аккаунты нападавших в социальных сетях оперативно удалялись сразу после инцидентов, что лишало следствие возможности проследить историю их психологической обработки.

«Подобная зачистка цифрового следа, — печатал Воронов, — может свидетельствовать о профессиональном сопровождении данных акций со стороны лиц, обладающих доступом к управлению информационными платформами».

Следующий блок касался внедрения идеологии РАЦИРС в государственные структуры. Аналитик вспомнил историческую параллель, приведенную в одном из источников, — сравнение методов Дворкина с опричниной Ивана Грозного. Символами опричников были собачья голова и метла: сначала кусать, затем выметать неугодных.

Воронов трансформировал эту метафору в процедурный алгоритм. Он озаглавил подраздел: «Стратегия поэтапной ликвидации конституционных прав».

«В описанных кейсах деятельность отдельных структур РАЦИРС укладывается в двухэтапный алгоритм, известном в профильной литературе как “Римская формула” (стигматизация — дискриминация — преследование). Этап 1: Создание искусственного медийного резонанса, направленного на расчеловечивание выбранной группы граждан или конкретного лица. Этап 2: Использование сформированного общественного мнения для давления на правоохранительные органы с целью инициирования внесудебных или квазисудебных расправ».

В качестве доказательства Воронов привел цитату из восстановленного протокола допроса декана Аванесова по делу в Томске, где указывалось на признаки процессуальной зависимости экспертизы от инициативы сотрудника ФСБ. Он также сослался на дело «Финист Ясный Сокол», где Роман Силантьев использовал псевдонаучную «деструктологию» для уголовного преследования театральных деятелей.

«Под видом защиты духовной безопасности, — резюмировал аналитик, — в стране формируется параллельная инфраструктура влияния, претендующая на негласное право определять границы дозволенного и инициировать давление против социальных групп».

Воронов сделал глоток остывшего кофе, не отрывая взгляда от монитора. Текст становился все более плотным. Он подошел к самой опасной части доклада — роли высшего руководства страны и изоляции Президента от объективной информации.

Аналитик открыл файл с заголовком «Как Дворкин обманул Путина». В нем описывался переломный момент в риторике главы государства, произошедший в две тысячи двенадцатом году во время встречи с губернатором Самарской области Николаем Меркушкиным и представителями общественности.

Воронов загрузил официальную стенограмму той встречи. Он нашел выступление Елены Бельчиковой, которая обратилась к Президенту с просьбой ужесточить законодательство против «тоталитарных сект».

Аналитик скопировал в доклад ответ главы государства:

«Я сам езжу по регионам, часто бываю в регионах… то здесь, то там слышу об этих проблемах. Вы не первая, кто поднимает этот вопрос. Как грибы и плесень, появляются эти избушки, где проводятся всякие обряды…»

Под цитатой Воронов начал выстраивать аналитический вывод. Ему нужно было показать, как именно система обманывает своего создателя.

«Анализ состава участников региональных встреч первого лица за период с 2010 по 2015 годы выявляет искусственное формирование информационной повестки. Установлено, что лица, выступающие от имени “обеспокоенной общественности” (в частности, Е. Бельчикова), являются штатными функционерами или активными сторонниками РАЦИРС. Данная практика представляет собой целенаправленную операцию по изоляции принимающего решения лица от объективной реальности. Создавая так называемые “потемкинские деревни” из лояльных адептов на маршрутах следования Президента, руководители антикультовой сети формируют у него искаженное представление о реальных угрозах обществу».

Он перешел к геополитическому аспекту. Если РАЦИРС — это инструмент, то кто является его политическим бенефициаром?

Воронов подтянул данные по руководству Русской православной церкви. В материалах независимых расследователей указывалось, что отдельные публичные действия Патриарха Кирилла (Гундяева) позволяют трактовать его роль как политически значимую, а транслируемая им военная риторика заметно пересекается с риторикой антикультового контура.

Аналитик сформулировал этот тезис предельно осторожно, опираясь только на задокументированные факты:

«Наблюдается слияние интересов антикультовой сети с политическими амбициями отдельных представителей высшего духовенства. Идеология превосходства и нетерпимости к инакомыслию, транслируемая структурами А. Дворкина, используется для оправдания агрессивной внешней политики и милитаризации общественного сознания».

Оставался последний раздел. Прогноз и предлагаемые меры.

Воронов понимал, что если он просто укажет на проблему, доклад отправят в архив. Он должен был показать цену бездействия. Он открыл один из аналитических материалов, где обсуждался риск физической угрозы Президенту со стороны отдельных групп внутри его окружения.

Аналитик не мог написать «вас хотят убить». Он перевел это в плоскость оценки угроз:

«Оценка потенциала угроз и риски утраты суверенитета».

«Концентрация неконтролируемого влияния кураторов РАЦИРС внутри отдельных силовых ведомств создает риск для физической безопасности высшего руководства страны. Логика развития подобных теневых структур неизбежно ведет к попытке полной узурпации власти. Искусственное разжигание внутренних конфликтов и провоцирование внешней эскалации, включая использование сетей влияния в Европе, могут быть направлены на создание кризисной ситуации, в которой действующий глава государства окажется дискредитирован и отстранен от управления под предлогом неспособности удержать контроль над ситуацией».

Воронов завершил текст блоком предложений.

Документ был готов. Тридцать восемь страниц. Никакой воды. Никаких эмоций. Только даты, фамилии, номера траншей, выдержки из стенограмм и логи удаленных файлов.

Воронов выделил весь текст и запустил внутреннюю утилиту проверки орфографии и форматирования. Система не нашла ошибок.

Аналитик подошел к массивному сейфовому шкафу, встроенному в стену аппаратной. Набрав цифровой код, он открыл тяжелую дверцу и достал запечатанную пачку бумаги. Это была не обычная офисная бумага. Листы имели высокую плотность и содержали водяные знаки Ситуационного центра Президента РФ. Любой документ, распечатанный на этих бланках, автоматически приобретал статус официального носителя государственной тайны, подлежащего строгому учету.

Воронов загрузил бумагу в лоток защищенного принтера, подключенного напрямую к его терминалу кабелем без возможности беспроводного перехвата.

Он вернулся к монитору. Курсор мигал в конце последней строки.

Аналитик нажал комбинацию клавиш для вывода на печать.

Принтер тихо загудел, прогревая термовал. Через секунду в приемный лоток лег первый лист. За ним второй. Звук печатающего механизма казался оглушительно громким в пустой аппаратной.

Воронов стоял у принтера, наблюдая, как цифровая информация обретает физическую форму. В бюрократической системе бумага обладала магической силой. Пока данные находились на жестком диске или флешке, они были уязвимы для хакерских атак, блокировок СЭД и административного вето генерала Сазонова. Но как только текст ложился на бумагу с водяными знаками, он становился объектом материального мира. Его нельзя было удалить нажатием клавиши. Его можно было только уничтожить физически, что оставляло следы.

Принтер выдал последний, тридцать восьмой лист и затих.

Воронов аккуратно выровнял стопку. Бумага еще хранила тепло печатного вала. Он взял со стола красный картонный скоросшиватель — цвет, обозначающий экстренный доклад для первого лица, не терпящий отлагательств.

Аналитик вложил листы в папку и загнул металлические усики.

Текст был высушен до предела. Факты сведены в единый вектор. Доказательная база саботажа со стороны ФСБ прикреплена в виде приложения с распечатками логов.

Воронов положил красную папку на центр пустого стола. Она выделялась ярким пятном на фоне серого пластика и темных мониторов. Документ, способный разрушить многолетнюю архитектуру теневого управления государством, был полностью готов. Оставалось только найти способ пронести эту физическую папку сквозь все кордоны и фильтры, которые Сазонов выстроил на пути к Овальному кабинету. Аналитик посмотрел на часы. До начала утреннего формирования дайджестов оставалось меньше четырех часов.

Глава 10. Изоляция сервера

Текст закрытой межведомственной директивы лежал на массивном столе красного дерева. Генерал-майор Сазонов методично подчеркивал карандашом ключевые абзацы документа, регламентирующего новые, беспрецедентные полномочия Роскомнадзора.

В кабинете на Лубянке царила утренняя тишина, нарушаемая лишь шелестом плотной бумаги. На часах светилось 06:45. Сазонов готовился к утреннему селекторному совещанию, но его мысли были сосредоточены на архитектуре информационной изоляции, которую Вторая служба ФСБ выстраивала последние несколько месяцев.

Генерал перечитал выделенный фрагмент, фиксирующий новые права надзорного ведомства, полученные по запросу Генеральной прокуратуры:

«Централизованное управление сетью связи: при возникновении угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети РКН получает возможность отдавать обязательные указания операторам и задействовать технические средства противодействия угрозам. Ограничение доступа к ресурсам осуществляется в рамках установленных законом процедур и предписаний уполномоченных органов».

Документ означал радикальное изменение правил игры. Ранее подобные действия могли применяться исключительно в условиях официально объявленного чрезвычайного положения. Теперь ведомство получало право осуществлять прямой перехват управления трафиком в стандартных условиях.

Сазонов прекрасно понимал истинную причину этой спешки. Недавний скандал с блокировкой платформы Rumble в России и искусственное замедление YouTube были лишь первыми этапами. Аналитический отдел Лубянки внимательно отслеживал международный резонанс вокруг материалов независимых исследователей. В справке содержался жесткий вывод аналитиков. Замедление YouTube и расширение полномочий РКН в аналитической справке связываются с попыткой ограничить распространение материалов, разоблачающих антикультовую сеть и ее связи в высших эшелонах власти. Задача таких мер — не допустить попадания этих материалов к широкой аудитории и к первому лицу государства.

Сазонов не считал себя строителем «Четвертого рейха». Он мыслил категориями абсолютного государственного контроля. Для него международная антикультовая сеть

РАЦИРС была идеальным инструментом управления массами. Но независимые расследования, вышедшие в открытый доступ, начали вскрывать связи этой сети в высших эшелонах власти. История повторялась. Чтобы защитить агентурную сеть, требовалось опустить новый, цифровой железный занавес, лишив граждан доступа к правде.

Генерал открыл черную картонную папку с архивными материалами, запрошенными им накануне из спецхрана. Это были копии отчетов Четвертого отдела Пятого управления КГБ СССР за 1984–1988 годы. Сазонов любил обращаться к первоисточникам. Система, которую он сейчас защищал, была спроектирована задолго до его прихода на службу.

Он пробежал глазами по пожелтевшим страницам машинописного текста.

«Март 1984. Страница 272. В ответ на сообщение о возможных изменнических настроениях агента “Нестерович”, он был отозван в СССР по нашим разведывательным каналам и при содействии союзников в ВНР. В операции участвовали агенты “Прохоров”, “Вадим” и “Кузнецов”. Работа по отчету продолжается».

«Страница 277. Для усиления агентурных позиций внутри РПЦ: агент “Петров” (КГБ Казахской ССР) направлен в Харьков, “Цветков” (УКГБ по Московской области) направлен в Алма-Ату, а “Васильев” (УКГБ по Владимирской области) направлен в Загорск».

Сазонов перевернул страницу. В публикациях о рассекреченных материалах фигурировали агентурные клички «Аббат», «Адамант», «Антонов», которые исследователи сопоставляли с рядом высокопоставленных церковных деятелей. В языке КГБ неугодные священнослужители назывались «объектами оперативного наблюдения». Религиозный диссидент Александр Огородников проходил под кодовым именем «Аптекарь», а священник Александр Мень — как «Миссионер».

Спецслужбы десятилетиями стремились интегрировать своих людей в церковные структуры, создавая симбиоз, который позднее позволял антикультовому контуру использовать отдельные епархиальные ресурсы как региональную инфраструктуру. Это был колоссальный труд тысяч офицеров. И теперь какой-то аналитик из Ситуационного центра пытался разрушить эту монополию, собрав метаданные в один текстовый файл.

В дверь кабинета коротко постучали. Вошел майор Денисов, начальник смены технического мониторинга. Его лицо было напряженным.

— Товарищ генерал-майор, зафиксирована аномальная активность в резервной аппаратной на минус втором этаже Старой площади, — Денисов положил на стол распечатку системного лога. — Объект Воронов находился там с двух часов ночи.

Сазонов посмотрел на распечатку.

— Его учетная запись заблокирована для отправки документов по СЭД. Я лично наложил вето на его записку.

— Так точно. Электронная маршрутизация закрыта, — подтвердил майор. — Но в 05:40 зафиксирована активность локального периферийного устройства. Защищенный принтер. Воронов вывел на печать тридцать восемь страниц текста.

Сазонов медленно отложил карандаш. Бумага. Воронов перевел цифровой массив в физическую форму.

— По регламенту Ситуационного центра, — ровным голосом произнес генерал, — любой распечатанный документ высшей категории секретности должен получить цифровой идентификатор в системе учета ФСО перед тем, как курьер заберет физическую папку. Без цифрового следа в базе курьерская служба не примет пакет.

— Именно так, товарищ генерал-майор. Воронов сейчас находится за терминалом. Он попытается инициировать протокол регистрации экстренного доклада. Если система ФСО присвоит документу номер, мы не сможем его остановить без прямого конфликта со Службой безопасности Президента.

Сазонов посмотрел на архивные сводки КГБ, затем на директиву Роскомнадзора. Ради защиты глобальной агентурной сети ведомство было готово рассматривать крайние меры контроля над сетью в масштабе всей страны. Отключить один терминал в правительственном бункере было вопросом технической необходимости.

— Свяжитесь с дежурным коммутатором спецсвязи, — приказал Сазонов. — Передайте код «Монолит». Физически изолировать сектор резервной аппаратной от внутренней сети Кремля.

— Товарищ генерал-майор, — Денисов запнулся. — Это прямое вмешательство в инфраструктуру Администрации Президента. Протокол требует санкции уровня директора службы.

— Выполнять, майор.

В резервной аппаратной Ситуационного центра гудение серверов казалось монотонным и убаюкивающим. Артур Воронов сидел за изолированным терминалом. Справа от клавиатуры лежала красная папка с распечатанным докладом. Тридцать восемь страниц, обосновывающих версию о попытке неконституционного захвата отдельных институтов государственного управления структурами РАЦИРС.

На часах было 07:12. Утренние дайджесты для Президента начнут формироваться через сорок восемь минут.

Воронов открыл служебную утилиту регистрации исходящей корреспонденции. Это был последний цифровой барьер. Чтобы красная папка легла на стол первого лица, ее физическое существование должно быть подтверждено в базе данных Федеральной службы охраны. Система генерировала уникальный штрихкод, который наклеивался на обложку. Только после этого дежурный офицер фельдъегерской связи имел право взять документ в руки.

Аналитик ввел свой личный идентификатор и заполнил поля формы: гриф секретности, количество листов, адресат — Овальный кабинет. В поле «Основание» он указал номер своей должностной инструкции, дающей право прямого доклада при выявлении критических угроз национальной безопасности.

Воронов навел курсор на кнопку «Сгенерировать идентификатор» и нажал левую клавишу мыши.

На экране появился серый индикатор загрузки. Он заполнился на десять процентов и замер.

Воронов ждал. Внутренняя сеть Кремля работала на оптоволоконных линиях с нулевой задержкой. Регистрация занимала доли секунды.

Индикатор стоял на месте. Спустя пятнадцать секунд над ним появилась желтая надпись: Ожидание ответа от центрального маршрутизатора.

Аналитик нахмурился. Он открыл командную строку и запустил стандартный протокол проверки связи с сервером СЭД.

Pinging 10.0.0.1 with 32 bytes of data: Request timed out. Request timed out. Request timed out.

Экраны на рабочем месте не погасли. Операционная система функционировала нормально, питание подавалось стабильно. Но значок сетевого подключения в правом

нижнем углу монитора сменил цвет с зеленого на серый, перечеркнутый красным крестом.

Система выдала системное окно: КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА. Потеря связи с центральным маршрутизатором. Сетевой интерфейс недоступен.

Воронов быстро проверил кабель, идущий от системного блока к настенной розетке. Контакт был плотным. Он перезапустил сетевой адаптер программно. Результат остался прежним. Резервная аппаратная оказалась полностью отрезана от цифрового контура Администрации Президента.

Аналитик встал из-за стола, взял красную папку и направился к выходу.

Пост технического контроля ФСО располагался в конце коридора, за бронированной стеклянной дверью. Дежурный техник, капитан с усталым лицом, пил растворимый кофе, глядя на стену мониторов, отображающих топологию правительственной сети.

Воронов приложил пропуск к считывателю и вошел.

— Капитан, у меня упал линк в тринадцатой резервной аппаратной, — произнес Воронов, подходя к стойке. — Регистрация экстренного пакета висит. Проверьте маршрутизацию.

Техник поставил кружку на стол и повернулся к своей консоли.

— Тринадцатая аппаратная, — пробормотал он, быстро набирая команды. — Сейчас посмотрим. Может, коммутатор на этаже сбоит.

На одном из экранов развернулась схема оптических соединений минус второго этажа. Линия, ведущая к порту Воронова, светилась тревожным оранжевым цветом.

Капитан нахмурился и открыл интерфейс управления коммутатором уровня ядра.

— Странно. Линк не упал. Порт выключен. Статус «Admin down».

— Включите его, — спокойно сказал Воронов.

— Не могу, — техник поднял глаза на аналитика. В его взгляде появилось напряжение. — У меня нет прав доступа к этому сегменту коммутатора.

— Вы дежурный администратор сети Ситуационного центра Президента. У вас высший уровень допуска к оборудованию.

— Артур Николаевич, вы не понимаете, — техник понизил голос и указал ручкой на строчку кода в интерфейсе. — Смотрите на префикс команды отключения. EXT-FSB-02. Это внешний аппаратный приоритет. Порт отключен физически на уровне главного коммутатора ФСО по спецраспоряжению Лубянки. Они применили протокол изоляции сектора.

Воронов смотрел на экран.

— На каком основании Вторая служба ФСБ вмешивается в работу правительственной связи?

— Я не знаю, — техник нервно сглотнул. — Обычно такой протокол активируют при выявлении несанкционированного проникновения в сеть или при угрозе утечки государственной тайны высшего уровня. Они отрезали ваш терминал на аппаратном уровне. Я даже если захочу, ничего не смогу сделать — оптический порт заблокирован намертво.

Воронов молча кивнул. Техник был ни при чем. Сазонов понял, что пустой отказ в СЭД не остановил расследование. Генерал пошел на беспрецедентный шаг — прямое нарушение работы коммуникаций Администрации, чтобы не дать докладу получить легальный статус. Силовое ведомство защищало свою монополию любыми средствами, стирая границы между законом и аппаратным диктатом.

Аналитик вернулся в резервную аппаратную. Красная папка лежала на столе, тяжелая и абсолютно бесполезная без цифрового штрихкода.

В этот момент тишину комнаты разорвал резкий, дребезжащий звонок.

Звук исходил не от мобильного телефона и не от цифрового терминала. Звонил массивный желтоватый аппарат правительственной связи АТС-2, стоявший на краю стола. Эта линия представляла собой закрытую аналоговую сеть, проложенную отдельным медным кабелем еще в советское время. Она не зависела от маршрутизаторов, оптоволокна и систем электронного документооборота. Ее невозможно было отключить программно.

Воронов подошел к столу и снял тяжелую карболитовую трубку.

— Слушаю.

— Доброе утро, Артур Николаевич, — голос генерал-майора Сазонова звучал из динамика спокойно, с легкой, почти отеческой интонацией. — Надеюсь, я не отвлек вас от работы?

— Моя работа временно приостановлена техническими неполадками, товарищ генерал-майор, — сухо ответил Воронов.

— Да, мне докладывали. Сети сейчас работают нестабильно. Магнитные бури, обновление протоколов безопасности. Техника не выдерживает напряжения. — Сазонов сделал паузу. — Как и люди, Артур Николаевич. Мне передали, что вы находитесь на рабочем месте с двух часов ночи. Это нарушение трудового регламента.

— Я готовил экстренный доклад.

— Доклад, основанный на устаревших архивных данных и сомнительных метаданных, — мягко поправил Сазонов. — Вы увлеклись историей. Пятая служба КГБ, агентурные списки, дела давно минувших дней. Вы пытаетесь найти заговор там, где есть лишь сложный, многоуровневый процесс обеспечения государственной безопасности.

— Использование фальшивых судебных экспертиз для лишения людей свободы и имущества — это обеспечение безопасности? — Воронов смотрел на красную папку. — Или подготовка инфраструктуры для тотального контроля над обществом?

Сазонов тяжело вздохнул в трубку.

— Вы умный человек, Воронов. Вы должны понимать, что государство — это не идеальный механизм из учебника права. Это живой организм. Иногда ему требуются жесткие антибиотики. РАЦИРС и структуры Дворкина — это наш инструмент. Они выполняют грязную работу, которую официальные ведомства делать не могут из-за бюрократических ограничений. Они вычищают поле.

— Они используют вас, — возразил аналитик. — Они формируют искусственные угрозы, чтобы получать финансирование и власть. Вы думаете, что контролируете их, но на самом деле они программируют ваши решения.

— Это философский вопрос, Артур Николаевич. А у нас с вами сугубо практическая ситуация. — Тон генерала неуловимо изменился, став холодным и металлическим. — Ваша напарница, Родионова, уже находится под следствием УСБ. Ее

карьера закончена. Ваша карьера пока еще может быть спасена. Я звоню вам, чтобы предложить простой выход.

— Какой?

— Уйдите на больничный. Прямо сейчас. Закройте кабинет, оставьте все бумаги на столе и идите домой. Переутомление, стресс. Врачи выпишут вам путевку в санаторий. Через месяц вы вернетесь в другой отдел, на спокойную аналитическую работу с открытыми источниками. А материалы, которые вы собрали… они исчезнут вместе с техническим сбоем сервера.

— Вы предлагаете мне совершить должностное преступление и скрыть факт государственной измены.

— Я предлагаю вам выжить, — жестко отрезал Сазонов. — Ваш терминал отключен. Электронный путь для вашего доклада уничтожен. Вы не сможете получить штрихкод ФСО. Вы не сможете передать бумагу фельдъегерям. Вы заперты в комнате без окон, Воронов. Система, которую вы пытаетесь пробить, монолитна. Не заставляйте меня применять к вам методы, которые мы обычно резервируем для настоящих врагов государства.

В трубке повисла тишина, нарушаемая лишь тихим аналоговым шипением линии связи.

Воронов молчал. Он понимал, что Сазонов не блефует. Отключение порта на коммутаторе ядра было демонстрацией абсолютной аппаратной власти. Лубянка контролировала кровеносную систему правительственной связи.

— Я вас услышал, товарищ генерал-майор, — произнес Воронов.

— Надеюсь на ваше благоразумие. Выздоравливайте.

В трубке раздались короткие гудки.

Воронов медленно опустил трубку на рычаг аппарата. Он посмотрел на погасший значок сетевого подключения на мониторе, затем перевел взгляд на красную папку.

Сазонов был прав в одном: электронный путь доставки доклада первому лицу был полностью и безвозвратно уничтожен. Цифровая дверь закрылась. Сервер был физически изолирован, превратив резервную аппаратную в информационный саркофаг.

Любая попытка действовать по официальным регламентам теперь была обречена на провал.

Глава 11. Поиск обходного пути

«Инструкция по делопроизводству и порядку формирования информационных материалов для высших должностных лиц» представляла собой увесистый том в синем коленкоровом переплете. Артур Воронов снял книгу с полки над своим резервным терминалом и положил ее на стол, рядом с бесполезной теперь красной папкой.

Страницы издания были отпечатаны на плотной бумаге и изобиловали схемами маршрутизации. Аналитик методично листал раздел за разделом. Ему нужно было понять физическую механику системы, которая только что заблокировала его цифровой доступ. Отключение порта на аппаратном уровне означало, что Вторая служба ФСБ полностью контролирует «красный контур» — линию безопасности.

Воронов остановился на странице с грифом «Для служебного пользования». Пункт 4.1.2 гласил:

«Любые аналитические записки, сводки и доклады, содержащие оценку угроз конституционному строю, деятельности иностранных агентов, экстремистских сообществ и террористических ячеек, подлежат обязательному визированию в профильных управлениях Федеральной службы безопасности перед включением в итоговую папку Президента».

Правило работало безупречно. Оно создавало идеальный фильтр, защищающий первое лицо от непроверенной или панической информации. Но этот же фильтр превратился в бетонную стену, когда угроза стала исходить от самих визирующих инстанций. Сазонов мог бесконечно браковать любые документы, касающиеся РАЦИРС, ссылаясь на отсутствие оперативного подтверждения.

Аналитик закрыл инструкцию. Жесткая бюрократическая система, какой бы монолитной она ни казалась изнутри, всегда имеет слепые зоны. Эти зоны возникают не

из-за халатности, а из-за самой природы разделения труда. Ведомства ревниво охраняют свои границы и редко заглядывают на чужую территорию.

Воронов взял красную папку, сунул ее в обычный кожаный портфель и покинул изолированную аппаратную. Дежурный техник ФСО проводил его напряженным взглядом, но ничего не сказал.

Поднявшись на первый этаж комплекса на Старой площади, аналитик прошел в общий зал своего управления. Здесь царила обычная утренняя суета. Сотрудники пили кофе, переговаривались, загружали терминалы. Эта часть сети, подключенная к стандартному внутреннему интранету Администрации Президента, функционировала без сбоев. Приказ «Монолит» касался только защищенного сегмента.

Воронов сел за свободную рабочую станцию, предназначенную для работы с открытыми источниками и несекретным документооборотом. Он авторизовался под своим стандартным логином. Доступ был открыт. Сазонов отрезал его от спецсвязи, но не мог уволить его из Администрации одним звонком — для этого требовалась длительная кадровая процедура.

Аналитик открыл внутренний портал и перешел в раздел расписания первого лица. График Президента на текущую неделю формировался заранее и был доступен сотрудникам аналитического блока для подготовки справочных материалов.

На экране развернулась таблица, разбитая по часам.

Сегодняшний день был полностью расписан: протокольные встречи, прием верительных грамот, совещание с постоянными членами Совета Безопасности. Пытаться вклиниться в сегодняшний поток было бессмысленно — папки уже лежали на столе в Овальном кабинете, прошедшие все круги согласований.

Воронов переключился на завтрашний день.

10:00 — Встреча с главой корпорации «Росатом».12:30 — Прием делегации из стран Ближнего Востока.15:00 — Закрытое совещание по вопросам экономического развития угольных регионов.

Взгляд аналитика зацепился за последнюю строчку. Совещание по угольным регионам. Кузбасс, Воркута, Ростовская область.

Он кликнул на карточку мероприятия, чтобы развернуть список ответственных подразделений. В графе «Формирование итогового досье» значилось: Экспертное

управление Президента РФ, Департамент экономического анализа. В графе «Согласующие инстанции» были указаны Министерство энергетики, Министерство финансов и Росстат.

Воронов медленно откинулся на спинку офисного кресла. В списке не было ни ФСБ, ни Совета Безопасности.

Экономические справки формировались аналитическим управлением АП без визирования силовиков. Это был совершенно иной маршрут документооборота. «Зеленый контур». Силовые ведомства традиционно презирали скучную экономическую статистику. Тонны таблиц с показателями добычи угля, графиками субсидий и расчетами тарифов на железнодорожные перевозки проходили мимо Лубянки. Генерал Сазонов физически не мог контролировать этот поток, потому что у его службы не было полномочий вмешиваться в работу экономического блока, если там не стоял маркер коррупционного преступления или диверсии.

Слепая зона находилась прямо здесь — на стыке ведомственных интересов.

Воронов достал из кармана блокнот и быстро набросал схему. Если он попытается передать свой доклад через секретариат как документ по национальной безопасности, его перехватит фильтр Сазонова. Но если этот же самый текст, распечатанный на бумаге с водяными знаками, окажется внутри папки, предназначенной для совещания по угольной промышленности, он ляжет на стол Президента напрямую.

Проблема заключалась в физической сборке. Кто-то должен был взять листы Воронова и вшить их в экономическое досье. Сам он не имел доступа в помещения Экспертного управления. Ему нужен был человек внутри. Клерк, который собирает бумагу перед тем, как отдать ее фельдъегерям.

Аналитик выключил терминал. Пользоваться служебным телефоном было нельзя — после ночного инцидента все его коммуникации гарантированно стояли на прослушке. Личный мобильный телефон он оставил в ящике стола еще вчера.

Воронов вышел из здания Администрации через боковой подъезд. Утренний город встретил его прохладным ветром и шумом автомобильных потоков на Ильинке. Время приближалось к половине девятого. Москва окончательно проснулась, включившись в свой жесткий, ритмичный график.

Он быстрым шагом направился в сторону станции метро «Китай-город». Ему требовался общественный таксофон. В эпоху повальной цифровизации эти синие будки с логотипом городской телефонной сети казались анахронизмом, но именно их устаревшая архитектура обеспечивала относительную анонимность. Таксофоны не требовали регистрации по паспорту и не передавали геолокацию звонящего в режиме реального времени.

Спустившись в подземный переход, пахнущий сырой штукатуркой и выпечкой из открывающихся киосков, Воронов нашел ряд телефонных аппаратов. Два из них были разбиты, но третий светился тусклым зеленым индикатором готовности.

Аналитик достал универсальную транспортную карту, которую можно было использовать для оплаты звонков, и вставил ее в щель приемника. Набрал номер Елены Родионовой.

Гудки шли долго. Воронов смотрел на проходящих мимо людей, машинально фиксируя их лица и походку. Никто не обращал внимания на человека в строгом костюме, звонящего из уличного автомата.

— Да, — голос Елены прозвучал хрипло. Очевидно, она спала, несмотря на то что ее отстранили от работы всего сутки назад.

— Это Артур, — тихо произнес Воронов, прижимаясь к пластиковому козырьку таксофона, чтобы заглушить гул толпы. — Говори только «да» или «нет», если не уверена в чистоте линии.

— Линия чистая. Я купила новую сим-карту в переходе на чужой паспорт, как мы и договаривались, — ее голос мгновенно обрел профессиональную четкость. — Что случилось? Ты должен был отправить записку.

— Записка готова. Тридцать восемь страниц, полная выкладка. Таймлайны, транши, приговоры, связи. Но отправить ее по СЭД невозможно. Сазонов активировал протокол «Монолит». Они физически отрезали мой терминал от маршрутизатора. Порт заблокирован.

В трубке повисла пауза.

— Значит, красный путь закрыт, — констатировала Елена. — Они пошли на прямое вмешательство в инфраструктуру АП. Это уровень паники.

— Это уровень их уверенности в своей безнаказанности, — поправил Воронов. — Сазонов звонил мне по аналоговой связи. Предлагал уйти на больничный. Документ у меня на руках, в распечатанном виде. На бланках Ситуационного центра.

— Бумага — это хорошо. Бумагу нельзя стереть удаленно. Но как ты собираешься пронести ее через секретариат? Без штрихкода регистрации курьеры ее не возьмут, а регистрацию тебе не дадут.

— Я изучил расписание на завтра. В пятнадцать ноль-ноль у Президента закрытое совещание по экономическому развитию угольных регионов. Папку готовит Экспертное управление.

Елена сразу поняла ход его мыслей.

— Экономисты. Синий контур. ФСБ не визирует эти документы.

— Именно. Мне нужен контакт. Кто-то внутри экономического блока, кто имеет право физической сборки папки. Человек, который стоит у дырокола и сшивателя перед тем, как досье опечатают. Ты знаешь аппарат лучше меня. У тебя есть там люди?

Воронов слышал, как Елена тяжело дышит в трубку. Искать союзников среди бюрократов, когда ты сам находишься под следствием УСБ, было крайне рискованно. Любой клерк мог испугаться и доложить начальству.

— Есть один человек, — наконец сказала она. — Игорь Макаров. Ведущий специалист отдела сводного анализа. Он формирует физические досье для профильных совещаний.

— Он надежен?

— В нашем деле нет надежных людей, Артур. Есть люди, у которых есть мотив. В прошлом году Макаров пропустил критическую ошибку в сводке Росстата по инфляции. Если бы эта цифра ушла наверх, его бы уволили с волчьим билетом. Я заметила ошибку на этапе мониторинга и тихо поправила ее в базе, не поднимая шума. Он знает, что обязан мне карьерой.

— Он согласится нарушить регламент?

— Смотря как мы это подадим. Макаров — классический аппаратчик. Он не станет рисковать ради абстрактной справедливости или борьбы с сектами. Если ты принесешь

ему документ с заголовком «Угроза национальной безопасности», у него случится истерика. Он вызовет охрану.

— Я не собираюсь показывать ему настоящий заголовок, — Воронов смотрел на цифровое табло таксофона, отсчитывающее минуты. — Нам нужно замаскировать доклад.

— Как?

— Мы подменим титульный лист. Я переформатирую первую страницу. Она будет выглядеть как стандартная аналитическая справка по теме совещания. Например: «Оценка уровня социальной напряженности в шахтерских моногородах и риски протестной активности».

— Социальная напряженность, — задумчиво повторила Елена. — Это гениально. Это пограничная тема. Она касается экономики, потому что связана с задержками зарплат и закрытием шахт, но при этом оправдывает большой объем текста и наличие графиков. Макаров не будет вчитываться в суть. Клерки его уровня проверяют только правильность полей, шрифты и наличие подписи на титульном листе.

— Если титульник будет соответствовать стандартам экономического управления, он просто подошьет эти тридцать восемь страниц в конец общей папки, — подтвердил Воронов. — Президент имеет привычку просматривать материалы с конца, если основная часть кажется ему скучной. Он наткнется на наш таймлайн. Логика перевернутой пирамиды сделает свое дело. Как только он увидит связь между траншами и приговорами, он прочитает весь текст.

— Это сработает только в том случае, если Макаров не перевернет первую страницу во время сборки.

— Это риск, который мы должны принять. Другого канала доставки у нас нет.

— Хорошо, — голос Елены стал жестким. — Я свяжусь с Игорем. Скажу, что у нас есть экстренное дополнение к завтрашнему совещанию от аналитического блока, которое не успели провести через электронную базу из-за утреннего сбоя серверов. Сбой действительно был, все об этом знают. Это даст ему легитимное оправдание.

— Где вы встретитесь?

— Не мы. Ты. Меня не пустят в здание, мой пропуск аннулирован. Я договорюсь с ним о встрече в нейтральной зоне. В кафетерии на цокольном этаже или в курилке внутреннего двора. Он выйдет туда во время обеденного перерыва.

— Во сколько?

— Дай мне полчаса. Я позвоню ему с безопасного номера. Тебе нужно время, чтобы подготовить новый титульный лист. У тебя есть доступ к принтеру?

— Я сделаю это на своем открытом терминале. Распечатаю только первую страницу на обычном бланке и подложу ее к основному тексту.

— Будь осторожен, Артур. Если Сазонов поймет, что ты не сдался и ищешь обходной путь, он перестанет играть в аппаратные игры. УСБ может задержать тебя прямо на выходе из кабинета.

— Я знаю. Жду твоего звонка.

Воронов повесил трубку. Он вышел из подземного перехода на залитую холодным светом улицу. План был сформирован. Бюрократическая машина, созданная для того, чтобы перемалывать людей, обладала одним фатальным недостатком — она была слепа к содержанию, если форма соответствовала ожиданиям.

Аналитику предстояло превратить расследование о глобальном заговоре РАЦИРС в скучную экономическую справку. Ему нужно было подобрать правильные шрифты, выставить точные интервалы и скопировать стиль изложения Департамента экономического анализа. Внешняя оболочка документа должна была стать идеальным камуфляжем для бомбы, готовой взорвать теневую архитектуру Лубянки.

Воронов поправил ремешок портфеля на плече и зашагал обратно к комплексу на Старой площади. У него оставалось несколько часов до обеденного перерыва, чтобы завершить маскировку.

Глава 12. Экономическая маскировка

Текстовый редактор на экране открытого терминала требовал жесткой дисциплины форматирования. Артур Воронов методично выставлял параметры абзаца, превращая взрывоопасный аналитический доклад в эталонную канцелярскую серость.

В системе государственного управления внешняя форма документа на этапе первичной сортировки всегда важнее его содержания. Если текст выглядит как стандартная экономическая справка, отформатирован как справка и напечатан на правильной бумаге, ни один клерк среднего звена не станет вчитываться в суть. Бюрократическая машина сканирует маркеры «свой-чужой» по визуальным паттернам.

Воронов стер оригинальный заголовок, гласивший об угрозе национальной безопасности и попытке неконституционного влияния на государственные решения со стороны структур, связанных с РАЦИРС. Вместо него он набрал новый, выверенный до последней буквы текст:

«Оценка уровня социальной напряженности в шахтерских моногородах и риски протестной активности на примере Кузбасского и Печорского угольных бассейнов».

Название идеально вписывалось в повестку завтрашнего совещания Президента. Оно было достаточно скучным, чтобы не вызывать лишних вопросов, и достаточно объемным по смыслу, чтобы оправдать наличие внутри тридцати восьми страниц плотного текста с графиками и таймлайнами.

Теперь требовалось создать мост — переходный абзац, который свяжет маскировочный титульный лист с реальным содержимым расследования. Аналитик опустил курсор ниже и начал печатать введение:

«В условиях нестабильности экономических показателей градообразующих предприятий фиксируется рост активности деструктивных сетевых структур, использующих социальную уязвимость населения. Данные структуры, маскируясь под экспертные и общественные объединения, инициируют искусственные конфликты, что ведет к дестабилизации регионального управления. Ниже представлен подробный анализ механизмов финансирования и координации подобных сетей на примере деятельности ассоциации РАЦИРС…»

Этого было достаточно. Если кто-то из секретариата случайно пробежит глазами первую страницу, он увидит знакомые термины: «экономические показатели», «социальная уязвимость», «дестабилизация». Дальше первой страницы технические исполнители никогда не читают.

Воронов сохранил изменения на локальном диске своего открытого терминала. Он встал, подошел к шкафу с канцелярскими принадлежностями и достал пачку плотной бумаги цвета берлинской лазури. Именно такую бумагу использовало Экспертное управление для обложек своих материалов. «Синий контур». Экономический блок, куда силовики Второй службы ФСБ не должны были иметь прямого доступа.

Вернувшись к столу, он отправил титульный лист на печать. Аналитик достал из портфеля свой оригинальный доклад, распечатанный ночью в изолированной аппаратной. Он аккуратно снял красную обложку с грифом экстренного сообщения. Положил сверху синий лист. Затем добавил страницу с маскировочным введением.

Визуальная трансформация была завершена. Документ, описывающий существование глобальной агентурной сети, фабрикацию десятков уголовных дел и подготовку к масштабному социальному террору, теперь выглядел как рядовой отчет о проблемах шахтеров. Идеальный камуфляж.

Воронов поместил стопку листов в плотный коричневый конверт из крафт-бумаги, заклеил клапан и обмотал его крест-накрест прозрачным скотчем — так пакет внешне походил на обычную внутреннюю курьерскую доставку, защищенную от случайного вскрытия.

Он посмотрел на часы. 11:45. Время обеденного перерыва приближалось. Аналитик взял конверт, покинул кабинет и спустился на первый этаж. Пройдя через турникеты, он вышел во внутренний двор комплекса на Старой площади, где его уже ждала Елена. Она стояла у гранитной клумбы, подняв воротник пальто, и делала вид, что увлечена чтением новостей в телефоне. Воронов прошел мимо, на секунду замедлив шаг, и коричневый пакет незаметно перекочевал из его портфеля в ее объемную кожаную сумку. Они не обменялись ни единым словом.

Курилка в Никитниковом переулке, расположенная в пятидесяти метрах от контрольно-пропускного пункта Администрации, представляла собой крытый павильон из тонированного поликарбоната. Это была нейтральная территория. Сюда выходили

сотрудники разных управлений, чтобы обсудить аппаратные слухи вдали от микрофонов службы безопасности.

Елена Родионова стояла в дальнем углу павильона. Ее пропуск был аннулирован утренним приказом следователя УСБ, но находиться на улице, за пределами охраняемого периметра, ей никто запретить не мог.

Она ждала Игоря Макарова. Ведущий специалист отдела сводного анализа Экспертного управления был пунктуален. Он появился ровно в 12:15, ежась от холодного ветра. На нем был серый костюм фабричного пошива и тонкое демисезонное пальто. Макаров принадлежал к той категории чиновников, чья карьера строилась на абсолютной незаметности и безукоризненном следовании инструкциям.

Увидев Елену, он нервно оглянулся на стеклянные двери проходной.

— Елена Викторовна, — он подошел ближе, стараясь не привлекать внимания других курильщиков. — Вы же… мне звонили из кадров. Сказали, что ваш доступ приостановлен до окончания служебной проверки.

— Проверка — это формальность, Игорь, — ровным, почти ледяным тоном ответила Елена. Она знала, что с такими людьми нельзя проявлять слабость. Бюрократ чует уязвимость собеседника мгновенно. — УСБ отрабатывает свои протоколы по утечкам в прессу. Аппаратная игра, не бери в голову. Но работа по графику первого лица не останавливается из-за того, что кто-то на Лубянке решил провести учения.

Макаров переступил с ноги на ногу.

— Зачем вы просили меня выйти? Я сейчас свожу итоговую папку к 15:00 на завтра. У меня стопка документов от трех министерств не сшита.

Елена расстегнула молнию на сумке и достала запечатанный коричневый конверт.

— У тебя будет еще один документ. Срочное поручение руководителя Администрации. Дополнение к экономическому досье по угольным регионам.

Макаров отшатнулся, словно конверт был радиоактивным.

— Почему не по СЭД? — его голос дрогнул. — Любой документ в итоговую папку должен пройти электронную регистрацию. Я не имею права брать бумаги с рук на улице. Это грубейшее нарушение регламента формирования материалов для Президента.

— Серверы лежат, Игорь, — Елена сделала шаг вперед, сокращая дистанцию и подавляя его своим спокойствием. — С семи утра протокол маршрутизации заблокирован. Техники ФСО пытаются поднять базу, но пока безуспешно. Ты сам видел, что сеть лихорадит.

Макаров неуверенно кивнул. Утренний сбой действительно обсуждали во всех кабинетах.

— Руководитель Администрации рвет и мечет, — продолжила Елена, нанося точечные удары по болевым точкам клерка. — Это аналитика по социальной напряженности в моногородах. Прямой запрос Президента после вчерашних забастовок. Если эта справка не окажется в синей папке к моменту опечатывания досье, завтра на совещании первое лицо спросит, где данные. И руководитель Администрации ответит, что данные были подготовлены, но отдел сводного анализа отказался их вшивать из-за технического сбоя сети. Как думаешь, кого сделают крайним?

На лбу Макарова выступила испарина, несмотря на холодный ветер. Елена выстроила безупречную аппаратную ловушку. Она поставила его перед выбором между двумя страхами: страхом нарушить инструкцию по делопроизводству и страхом подставить высшее руководство. В иерархии чиновничьих инстинктов гнев начальства всегда перевешивал бумажные правила.

— Но почему вы? — попытался найти лазейку Макаров. — Если это от руководителя Администрации, почему курьер не принес?

— Потому что мой отдел готовил эту справку всю ночь. И потому что я знаю, что ты у меня в долгу, — Елена понизила голос, переходя на доверительный тон. — В прошлом октябре, когда ты пропустил ошибку Росстата по инфляции в сводном отчете. Помнишь? Если бы та цифра ушла на стол, тебя бы уволили с волчьим билетом за искажение макроэкономических показателей. Я вычистила базу тихо, без рапортов. Я спасла твою должность. Сейчас мне нужно, чтобы ты просто положил этот пакет в конец синей папки.

Макаров смотрел на коричневый крафт-бумажный прямоугольник. Вес прошлого долга и угроза текущего гнева руководства сломали его сопротивление.

— Что внутри? — глухо спросил он.

— Тридцать восемь страниц текста и графиков. Оценка рисков. Синяя обложка, формат соблюден. Тебе даже не нужно ничего перепечатывать. Просто пробей дыроколом и подшей в раздел «Дополнительные материалы».

Макаров протянул руку и взял конверт. Он оказался неожиданно тяжелым.

— Никаких электронных следов, — предупредил клерк. — Если меня спросят, я скажу, что пакет лежал у меня на столе среди входящей корреспонденции из министерств. Я не знаю, кто его принес.

— Идеально, — кивнула Елена. — Иди работай, Игорь. Завтрашнее совещание должно пройти без сбоев.

Она развернулась и пошла в сторону метро, не оглядываясь. Макаров спрятал конверт под пальто, прижав его к груди, и быстрым шагом направился обратно к проходной.

Кабинет 412 на четвертом этаже Экспертного управления был похож на бумажную фабрику. Вдоль стен тянулись стеллажи, плотно забитые скоросшивателями. В воздухе постоянно висела мелкая целлюлозная пыль, искрящаяся в лучах тусклых люминесцентных ламп. Игорь Макаров прошел к своему рабочему столу, заваленному распечатками таблиц Росстата, справками Минэнерго и отчетами региональных администраций. Посередине стола возвышалась главная конструкция сегодняшнего дня — массивный синий регистратор с золотым тиснением герба. Это была итоговая папка для Президента.

Макаров сел в кресло и вытащил из-под пальто коричневый конверт. Он аккуратно разрезал скотч канцелярским ножом и вытянул содержимое. На стол легла стопка листов под плотной обложкой цвета берлинской лазури. Клерк привычным движением провел большим пальцем по краю бумаги, проверяя качество среза. Затем он открыл титульный лист.

Его глаза автоматически, минуя осмысление текста, просканировали документ на соответствие стандартам. Заголовок: «Оценка уровня социальной напряженности в шахтерских моногородах…»

Макаров перевернул страницу. Введение содержало правильные, обтекаемые формулировки: «деструктивные сетевые структуры», «социальная уязвимость»,

«экономический спад». На третьей странице начинались какие-то сложные графики с красными линиями и датами траншей. На десятой шли выдержки из судебных решений.

Клерк не вчитывался в суть. Его мозг, натренированный годами аппаратной работы, воспринимал текст не как информацию, а как текстуру. Если текстура гладкая, если нет кричащих шрифтов, нарушенных отступов или неофициальных бланков, документ безопасен. Вникать в смыслы было прерогативой аналитиков и министров. Задача Макарова заключалась в механической сборке.

Он взял тяжелый металлический дырокол. Выровнял стопку из тридцати восьми листов по направляющей линейке. Нажал на рычаг. Два стальных цилиндра с глухим хрустом пробили бумагу, оставив идеальные круглые отверстия на левом поле — ровно там, где Воронов оставил для них место.

Макаров открыл металлические кольца синего регистратора. Перелистнул сотни страниц министерских отчетов до самого конца. Нашел пластиковый разделитель с надписью «Дополнительные справочные материалы». Он надел пробитые листы на кольца и с громким щелчком защелкнул механизм.

Документ, способный поставить под угрозу многолетнюю работу целого управления ФСБ и вскрыть механизм тотального идеологического контроля над страной, растворился в массиве скучной экономической статистики. Он стал частью официального досье. Теперь никакие цифровые блокировки, никакие приказы генерала Сазонова и никакие отключения серверов не могли остановить его движение. Папка была физически сформирована.

Макаров закрыл регистратор, провел ладонью по гладкой синей обложке и придвинул к себе рабочую опись. В графе «Количество листов» он зачеркнул цифру «412» и аккуратно вывел ручкой «450».

Сборка была завершена.

Артур Воронов сидел за своим рабочим терминалом в открытом секторе Ситуационного центра. На часах было 13:40. Внешне он выглядел абсолютно спокойным, изучая на мониторе сводку новостных агентств. Но его руки методично выполняли протокол минимизации следов.

Сазонов не оставит утренний инцидент без последствий. Генерал Второй службы ФСБ прекрасно понимал, что аналитик, попытавшийся пробить систему один раз,

попытается сделать это снова. Рано или поздно техники Лубянки придут с проверкой не только в изолированную аппаратную, но и к этому стандартному рабочему месту. Они изымут жесткий диск, снимут дампы оперативной памяти и проверят логи печати.

Воронов знал: обычное удаление файлов оставляет слишком много следов. Даже локальная очистка не решала проблему полностью — системные журналы, очередь печати, резервные копии и сетевые логи жили по своим правилам. Но черновики, лежавшие на рабочем месте, нужно было хотя бы убрать из очевидной зоны риска.

Он запустил штатную очистку свободного пространства локального тома и дождался, пока система начнет медленную служебную процедуру. Это не гарантировало полной стерильности: при серьезной проверке оставались журналы событий, следы печати, резервные копии и другие технические хвосты. Но восстановить удаленные черновики с локального диска теперь было бы значительно сложнее.

Накопитель тихо заработал, обрабатывая гигабайты пустоты. Пока программа работала, Воронов выдвинул нижний ящик стола. Там лежала оригинальная красная обложка доклада и несколько испорченных листов с неудачными вариантами форматирования. Оставлять физические улики было еще опаснее, чем цифровые.

Он собрал листы в папку-скоросшиватель и направился в конец коридора, где стоял сертифицированный шредер высокого класса защиты. Этот аппарат не просто резал бумагу на полосы — он измельчал ее перекрестным способом в мелкие фрагменты, превращая документ в почти невосстановимое конфетти.

Воронов включил питание. Машина загудела. Он по одному опускал листы в приемный слот. Стальные ножи с хищным хрустом втягивали бумагу. Красная обложка исчезла первой. За ней последовали черновики с синими заголовками. Через минуту от физических доказательств маскировки осталась лишь горсть бумажной пыли в пластиковом контейнере.

Аналитик вернулся на рабочее место. Процесс очистки свободного пространства завершился. На экране командной строки светилась надпись: «Очистка свободного пространства выполнена успешно». Он закрыл окно терминала и очистил кэш браузера. Затем выключил компьютер штатным образом.

Его рабочее место было внешне стерильным. Никаких несанкционированных файлов. Никаких скрытых флешек. Никаких черновиков. Если оперативники Сазонова

ворвутся сюда прямо сейчас, они найдут лишь образцовый стол рядового сотрудника Администрации.

Воронов откинулся на спинку офисного кресла и скрестил руки на груди. Он сделал все, что мог. Аналитическая работа была закончена. Фаза маскировки прошла успешно. Теперь оставалась только физическая механика государственного аппарата — слепая, безжалостная конвейерная лента, которая завтра утром перенесет синюю папку из кабинета 412 Экспертного управления в рабочий кабинет Президента.

Он посмотрел на телефонный аппарат внутренней связи. Он ждал звонка. Ловушка была захлопнута, и теперь Воронову оставалось лишь принять удар на себя, выигрывая время для того, чтобы бумага проделала свой путь. Тишина в кабинете казалась густой и напряженной, как перед грозой. Бюрократическая машина продолжала свой мерный ход, не подозревая, что внутри ее шестеренок уже заложена бомба.

Глава 13. Утро доставки

Бронированная транспортная тележка условного служебного типа «К-14» двигалась по ковровым дорожкам первого этажа почти бесшумно. Ее колеса, отлитые из специального полимера, были спроектированы так, чтобы не оставлять следов на паркете и не создавать лишнего гула в коридорах власти. Вес пустой конструкции составлял восемьдесят килограммов — стальной каркас, композитные стенки и электронный замок, синхронизированный с персональным идентификатором сотрудника фельдъегерской связи.

Сотрудник федеральной фельдъегерской связи в строгом темном костюме толкал тележку перед собой, сохраняя ровный, размеренный шаг. На его лице не отражалось никаких эмоций. Для него этот маршрут был рутиной, повторяющейся каждое утро ровно в 07:30.

Внутри тележки лежала красная папка.

Генерал-майор Сазонов стоял в помещении служебной экспедиции подразделения ФСБ, известного в аппарате как Вторая служба, заложив руки за спину, и смотрел на

экран внутреннего контроля. Камера транслировала движение курьера по коридору сектора «А». Все шло строго по графику. Утренний дайджест для первого лица покинул пределы Лубянки и теперь переходил на участок маршрута, где его сохранность обеспечивали фельдъегерская связь и посты ФСО.

Несмотря на тотальную цифровизацию государственного аппарата, финальный этап доставки информации на самый верх всегда оставался физическим. Бумага не подвержена хакерским атакам. Бумагу нельзя стереть удаленной командой.

Сазонов подошел к столу дежурного офицера. На полированной столешнице лежал контрольный лист согласования — точная копия описи документов, вшитых в красную папку.

— Дайте сводку по блокировкам, — приказал генерал, не отрывая взгляда от распечатанных строк.

Дежурный майор быстро пробежал пальцами по клавиатуре терминала.

— Протокол «Монолит» функционирует в штатном режиме, товарищ генерал-майор. Резервная аппаратная Ситуационного центра изолирована. Физический порт отключен на уровне центрального маршрутизатора. Попыток несанкционированного подключения или обхода через беспроводные сети не зафиксировано.

— Активность объекта Воронова?

— Объект находится на своем рабочем месте в открытом секторе. В 13:40 вчерашнего дня зафиксирован запуск стандартной утилиты очистки дискового пространства. После этого сетевая активность минимальна: просмотр новостных лент, чтение открытых справок Росстата. Никаких попыток отправить файлы по защищенным каналам.

Сазонов удовлетворенно кивнул. Аналитик сдался. Столкнувшись с бетонной стеной аппаратной блокировки, он сделал то, что сделал бы любой системный человек: уничтожил черновики и затаился, ожидая неизбежного визита службы собственной безопасности. Угроза была нейтрализована на дальних подступах.

Генерал опустил глаза на контрольный лист. Опись красной папки состояла из двадцати четырех пунктов. Сводка по активности НАТО у западных границ. Отчет Росфинмониторинга о движении капиталов в офшорных зонах. Оперативная справка о пресечении деятельности экстремистской ячейки в Приволжском округе — тот самый

отредактированный текст, из которого Сазонов лично вымарал любые упоминания структур РАЦИРС и фамилию Дворкина.

Никаких таймлайнов. Никаких графиков траншей. Никаких связей между президентскими грантами и судебными приговорами.

Система сработала безупречно. Она отфильтровала шум, защитив архитектуру государственного управления от разрушительной правды. Сазонов взял со стола перьевую ручку с золотым пером, размашисто расписался в графе «Утверждено куратором» и поставил время: 07:35.

— Продолжать мониторинг терминала Воронова до особого распоряжения, — бросил он дежурному, возвращая ручку в подставку. — В случае любой подозрительной активности — немедленный доклад.

— Есть, продолжать мониторинг.

Генерал направился к лифту, уверенный, что сегодняшний день пройдет по утвержденному им сценарию.

Артур Воронов сидел за своим столом в открытом секторе Ситуационного центра. Перед ним светился монитор стандартного рабочего терминала. Доступ к секретным базам данных был закрыт, но внутренняя сеть Администрации Президента функционировала исправно.

На экране была развернута служебная матрица контроля общих зон.

Это не были скрытые оперативные камеры или системы распознавания лиц ФСО. Воронов смотрел трансляцию с обычных купольных камер, установленных в коридорах комплекса на Старой площади для контроля за перемещением сотрудников. Доступ к этой трансляции имели сотрудники его уровня в пределах общих зон — формально для координации встреч, доставки материалов и отслеживания загруженности переговорных комнат.

Матрица состояла из шестнадцати прямоугольников. Воронов методично переключал виды, выстраивая маршрут от четвертого этажа Экспертного управления до первого этажа, где располагался главный контрольно-пропускной пункт перед переходом в президентскую часть комплекса.

В правом верхнем углу экрана мерцали зеленые цифры таймкода: 07:38:12.

Аналитик сделал глоток кофе. Его пульс был ровным. Вся подготовительная работа завершилась вчера днем. Сейчас он был просто зрителем, наблюдающим за физическими законами бюрократической механики.

В квадрате камеры № 42, направленной на двери отдела сводного анализа, появилось движение. Дверь открылась. В коридор вышел сотрудник фельдъегерской службы в повседневной форме. В руках он нес массивный синий регистратор с золотым тиснением. Папка была опечатана прозрачной пластиковой стяжкой с уникальным номером.

Воронов приблизился к монитору. Это было экономическое досье. Внутри, среди сотен страниц отчетов Минэнерго и таблиц Росстата, лежал его доклад, замаскированный под справку о социальной напряженности в шахтерских моногородах. Тридцать восемь листов плотной бумаги, пробитые дыроколом Игоря Макарова, стали неотъемлемой частью официального документа.

Курьер направился к лифтовому холлу. Его шаг был быстрым, но лишенным той торжественной напряженности, с которой перемещались курьеры фельдъегерской связи с красными папками. Экономика не считалась зоной критического риска. Здесь не было государственных тайн высшей категории, только цифры, графики и прогнозы.

Воронов переключил фокус на камеру № 15 — первый этаж, выход из лифтов.

Створки открылись, и курьер с синей папкой вышел в широкий, залитый светом люминесцентных ламп коридор. Он подошел к стоянке транспортных тележек. В отличие от бронированных «К-14», тележки для служебного документооборота представляли собой легкие алюминиевые конструкции с сетчатыми бортами.

Курьер положил синий регистратор на верхнюю полку, расписался в электронном планшете диспетчера и покатил тележку вперед, в сторону главного шлюза.

Цифры на экране сменились: 07:42:05. Аналитик перевел взгляд на центральный монитор матрицы — камеру № 01, установленную над постом ФСО. Это была финальная точка проверки перед тем, как документы попадали в защищенную зону приемной первого лица.

Пост представлял собой массивную стойку из пуленепробиваемого стекла, за которой сидели два офицера охраны. Рядом располагались рамки металлодетекторов и

рентгеновский сканер для проверки крупногабаритных грузов. К посту одновременно приближались два потока.

С левой стороны, по выделенной красной ковровой дорожке, двигался фельдъегерь с бронированной тележкой «К-14». Внутри лежала красная папка, тщательно проверенная и завизированная генералом Сазоновым. С правой стороны, по обычному паркету, катил свою алюминиевую тележку курьер с синим экономическим досье.

Воронов затаил дыхание. Это был момент истины. Если система безопасности даст сбой, если офицер ФСО решит проявить инициативу и вскроет синюю папку для выборочной проверки, камуфляж будет уничтожен. Любой внимательный взгляд на третью страницу выявит, что текст не имеет никакого отношения к добыче угля.

Первым к стойке подошел курьер с красной папкой.

Офицер ФСО поднялся. Процедура приема документов высшей категории секретности была жестко регламентирована. Охранник сверил идентификатор курьера с базой данных. Затем он взял сканер штрихкодов и провел им по электронной пломбе на крышке бронированной тележки.

На мониторе охраны загорелся зеленый свет. Пломба не нарушена. Маршрут подтвержден. Офицер расписался в путевом листе и нажал кнопку под столом. Тяжелая металлическая турникетная створка медленно отъехала в сторону, пропуская бронированную тележку в защищенную зону.

Следом к стойке подошел курьер с синим регистратором. Воронов смотрел на экран, фиксируя каждое движение. Офицер ФСО взял папку в руки. Она была тяжелой — четыреста пятьдесят листов. Он перевернул ее, осматривая пластиковую стяжку, фиксирующую кольцевой механизм. Стяжка была целой.

Затем охранник поднес сканер к штрихкоду на обложке. Система мгновенно выдала информацию: «Итоговое досье. Совещание по экономическому развитию угольных регионов. Ответственный исполнитель: И. Макаров, Экспертное управление. Количество листов: 450».

Данные на экране совпали с физическими параметрами объекта. Офицер не стал вскрывать стяжку. Он не имел права нарушать целостность документа, сформированного профильным управлением, если внешние маркеры безопасности были в норме. Его

задача заключалась в контроле периметра, а не в анализе макроэкономических показателей.

Охранник вернул папку на тележку, поставил штамп в маршрутном листе курьера и нажал кнопку пропуска. Алюминиевая тележка пересекла невидимую границу и оказалась в защищенной зоне, рядом с бронированной «К-14».

Воронов медленно выдохнул. Напряжение, державшее его мышцы в стальном каркасе последние сутки, начало отпускать. Физическое перемещение бумаги гораздо труднее остановить цифровыми блокировками. Сазонов мог отключить серверы, заблокировать порты, аннулировать электронные подписи и править логи. Он мог контролировать каждый байт информации в красном контуре. Но он был бессилен перед куском картона, пробитым дыроколом и скрепленным пластиковой стяжкой.

Таймкод на экране показывал 07:48:30. Обе тележки — бронированная и алюминиевая — теперь двигались по одному коридору, управляемые дежурными секретарями приемной. Они миновали галерею с портретами государственных деятелей прошлого века. Их колеса бесшумно катились по толстому ковру, гасящему любые звуки.

Воронов переключил матрицу на последнюю доступную ему камеру — № 00. Объектив был направлен на массивные двустворчатые двери из мореного дуба. Это был вход в приемную первого лица. За этими дверями заканчивалась юрисдикция ведомств и начиналась территория абсолютных решений.

Тележки остановились перед дубовыми створками. Секретарь в строгом темном костюме сверил часы на запястье с настенным циферблатом. Подача утренних материалов осуществлялась с точностью до секунды. Президент не любил ждать, и аппарат работал с хронометрической безупречностью.

Секундная стрелка на настенных часах сделала последний круг. 07:59:58. 07:59:59. 08:00:00. Массивные дубовые двери бесшумно распахнулись внутрь. За ними виднелся фрагмент светлого ковра и край длинного стола для совещаний.

Секретари толкнули тележки вперед. Красная папка, несущая в себе отфильтрованную Сазоновым картину мира, и синяя папка, скрывающая внутри себя детальную схему агентурной сети, одновременно пересекли порог. Двери плавно закрылись, отсекая обзор камеры.

Воронов откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Доставка была завершена. Бумага легла на стол. Теперь никакие аппаратные интриги, никакие звонки по аналоговой связи и никакие угрозы не могли вернуть ее назад тем же тихим способом. Механизм был запущен, и оставалось лишь ждать детонации. Аналитик протянул руку и выключил монитор, погрузив рабочее место в спокойную, выжидательную темноту.

Глава 14. На столе у Президента

Тяжелые настольные часы из уральского малахита отсчитывали секунды с едва уловимым металлическим резонансом. На зеленом сукне президентского стола, симметрично выровненные по краям кожаного бювара, лежали две папки. Слева — тонкая, красная, с золотым гербом и грифом экстренного доклада от силового блока. Справа — массивный синий регистратор толщиной в несколько сантиметров, стянутый пластиковой пломбой. Экономическое досье к дневному совещанию.

Глава государства работал в тишине. Утренний регламент не терпел суеты. Первым делом он открыл красную папку. Бумага высшего качества хранила на себе подпись генерал-майора Сазонова. Текст был высушен до предела, абзацы выстроены по ранжиру угроз. Взгляд скользнул по оперативной сводке из Приволжского округа.

«В ходе плановых мероприятий пресечена деятельность экстремистской ячейки. Оперативная обстановка стабильна. Риски эскалации отсутствуют».

Формулировки были безупречны, но именно эта стерильность всегда вызывала у него профессиональное раздражение. Текст напоминал отполированный фасад здания, за которым невозможно разглядеть несущие конструкции. Он вспомнил заседание Совета по правам человека 11 декабря 2018 года. Тогда обсуждалась практика преследования религиозных меньшинств.

«Правда, это совсем не значит, что мы представителей религиозных сообществ должны зачислять в какие-то там деструктивные, даже не то что в террористические организации. Конечно, это чушь полная, надо внимательно с этим разобраться, здесь я с вами согласен».

Он отдал прямое указание разобраться. Однако государственная машина, получив импульс, словно поглотила его в своих недрах. Сводки ФСБ продолжали рапортовать о новых проверках, задержаниях и делах, где религиозная активность снова подавалась как разновидность экстремистской угрозы. Спецслужбы выстраивали перед ним идеальные потемкинские деревни, где каждый арест подавался как победа над терроризмом, а статистика раскрываемости росла ровно настолько, насколько требовала отчетность.

Президент закрыл красную папку. Поставил размашистую визу на листе ознакомления. С силовым блоком на сегодня было покончено. Он придвинул к себе синий регистратор. В 15:00 предстояло тяжелое совещание по угольным бассейнам Кузбасса и Печоры. Требовалось погрузиться в макроэкономические показатели, графики субсидий и отчеты Минэнерго. Хозяин кабинета сломал пластиковую стяжку и откинул плотную обложку.

Первые сотни страниц представляли собой стандартный ведомственный массив. Таблицы рентабельности шахт, сводки по износу оборудования, прогнозы экспортных поставок. Он методично перелистывал документы, выхватывая взглядом ключевые цифры. На странице четыреста тринадцать начинался раздел дополнительных справочных материалов.

Заголовок гласил: «Оценка уровня социальной напряженности в шахтерских моногородах и риски протестной активности».

Президент начал читать первый абзац, ожидая увидеть дежурные рассуждения о задержках зарплат и профсоюзных инициативах. Но текст внезапно изменил плотность.

«В условиях нестабильности экономических показателей градообразующих предприятий фиксируется рост активности деструктивных сетевых структур… Ниже представлен подробный анализ механизмов финансирования и координации подобных сетей на примере деятельности ассоциации РАЦИРС».

Брови главы государства медленно сошлись на переносице. Упоминание РАЦИРС в экономическом досье по углю было абсолютной аномалией. Он перевернул страницу. Вместо ожидаемых графиков безработицы перед ним развернулась плотная аналитическая записка с приложениями. Документ был выстроен по принципу перевернутой пирамиды — жесткий, бескомпромиссный вывод в самом начале, за которым следовала эшелонированная доказательная база. Это не была справка отдела

сводного анализа. Это был внутренний аналитический доклад, внедренный в тело гражданского документа.

Взгляд зацепился за первый визуальный блок. Таймлайн. На горизонтальной оси были отложены даты президентских грантов, выделенных Центру священномученика Иринея Лионского. От нескольких грантовых периодов и связанных платежей тянулись красные линии к датам публичных кампаний, конференций, экспертных публикаций и резонансных заявлений. В ряде случаев интервал между поступлением средств и медийной активностью укладывался в две-три недели.

Схема еще показывала то, что в обычных ведомственных справках всегда исчезало: государственные деньги, экспертная активность и медийная травля могли быть частями одного управленческого контура.

Он перешел к следующему разделу, озаглавленному «Правоприменительная практика». Здесь аналитик свел воедино выборку из сорока судебных решений и приговоров из разных регионов страны. Текст сопровождался результатами семантического анализа.

«Выборочный анализ показывает, что доводы судов первой инстанции об экстремистском характере литературы часто строились на выборочном цитировании экспертного заключения, тогда как общие выводы специалистов об отсутствии призывов к насилию игнорировались. В значительной части изученных актов мотивировочные конструкции повторяют одни и те же формулы, что указывает на шаблонность экспертной и судебной аргументации».

Ниже шла таблица карьерных перемещений. Несколько судей, фигурировавших в этой выборке, в течение последующих месяцев получили повышение квалификационного класса или перевод в вышестоящие инстанции. Сам по себе этот факт ничего не доказывал, но в сочетании с повторяющимися экспертными шаблонами выглядел как сигнал, который нельзя было игнорировать.

Государственный аппарат правосудия начинал выглядеть не как независимая система оценки доказательств, а как механизм, уязвимый для внешней экспертной рамки. С 2009 года, после формирования нового Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте и появления в нем Александра Дворкина, антикультовая среда получила институциональную точку влияния, которую недооценивали в обычных отчетах.

Президент почувствовал, как в кабинете стало не хватать воздуха. Он был кадровым офицером разведки и прекрасно понимал механику агентурного проникновения. То, что он видел перед собой, не укладывалось в категорию обычной ведомственной ошибки. Это выглядело как системная фильтрация информации и возможное влияние частной идеологической сети на государственные решения.

Он перевернул еще несколько страниц, углубляясь в раздел идеологического контроля. Автор доклада не ограничился сухой статистикой. Он вскрыл механику психологического давления на высшее руководство страны. В тексте приводилась публикация начала 2012 года.

Тогда, поздравляя граждан с Новым годом, президент упомянул, что наступает Год Дракона по восточному календарю — год его собственного рождения. Безобидная, традиционная фраза. Доклад возвращал его к реакции вице-президента РАЦИРС Александра Новопашина, опубликованной сразу после выборов.

«Если человек носит крест, как он может апеллировать к какому-то вымышленному зверю вместо Творца… Надеюсь, для Путина слова о традиционной духовности не разойдутся с делом. Иначе у него не будет уважения ни в современном обществе, ни у будущих поколений. Память останется, и наша Церковь поет: “Вечная память”. Надеюсь, для Путина это тоже имеет значение».

Тогда, в суете поствыборного периода, этот комментарий прошел по касательной, осев в сводках пресс-службы как частное мнение радикального клирика. Но сейчас, вмонтированный в контекст доклада о давлении антикультовой среды на политическую повестку, он звучал иначе. Это был не просто религиозный фанатизм. Это было публичное дисциплинирующее предупреждение, сформулированное языком духовного авторитета: если власть отступит от нашей рамки, мы поставим под сомнение ее моральную легитимность.

Президент вспомнил свое выступление в начале первого срока, в 2001 году.

«До тех пор, пока я остаюсь главой государства, мы будем придерживаться именно демократических принципов развития, будем развивать политическую структуру общества, будем развивать гражданское общество, будем стремиться к тому, чтобы ставить под контроль общественности государственные институты».

Он помнил, что тогда произносил эти слова. Но сейчас, глядя на синие страницы доклада, он видел, как за его спиной методично, год за годом, выстраивался механизм

идеологического контроля. Структуры Дворкина, используя связи с частью силового и экспертного аппарата, превратили страну в испытательный полигон. Они пытались монополизировать право определять границы дозволенного, подменяя государственную экспертизу частными мнениями своих адептов. Они использовали психиатрические и семейно-правовые сюжеты как еще один инструмент давления, превращая экспертные заключения в оружие против неугодных.

И все это делалось именем государства. Его именем. Он перелистнул документ на тридцать пятую страницу. Раздел «Оценка угроз физической безопасности». Здесь аналитический тон сменялся оперативной конкретикой. Автор доклада ссылался на данные независимого расследования, указывающие на возможные риски внутри охраняемого периметра.

«Зафиксированы признаки аппаратной подготовки к перераспределению влияния в случае политического кризиса. Отдельные лица, связанные с силовым блоком, продвигают сценарий, при котором антикультовая доктрина может быть использована как идеологический фильтр для кадровых решений. Особую тревогу вызывает непроверенная оперативная информация о попытке вынести из внутреннего контура охраны сведения, касающиеся биологической и химической безопасности. Данный эпизод требует немедленной проверки по линии ФСО вне участия заинтересованных подразделений ФСБ».

Пальцы президента медленно сжались в кулак. Непроверенная информация. Но именно такие строки нельзя было оставлять внутри ведомственной переписки. Их либо подтверждали сразу, либо потом расследовали уже катастрофу.

Он снова посмотрел на красную папку, лежащую на краю стола. Сводка генерала Сазонова. «Оперативная обстановка стабильна».

Картина не сложилась окончательно, но стала достаточно тревожной, чтобы действовать немедленно. Линия Сазонова больше не могла считаться нейтральным каналом информации. Сазонов и его люди годами могли фильтровать информацию, создавая вокруг президентского кабинета информационный саркофаг. Они могли блокировать попытки следователей и аналитиков донести наверх неудобные данные, отзывать допуски, редактировать сводки и уводить в архив региональные отчеты, в которых фигурировали структуры РАЦИРС.

Президент обратился к финансовому блоку доклада, где описывались последствия этой деятельности для экономики.

«Предварительная оценка экономических последствий показывает, что судебные издержки, административные проверки, блокировка деятельности организаций и сопровождающие медийные кампании создают измеримые потери для региональных бюджетов и бизнеса. Точная сумма требует межведомственного аудита, однако уже на данном этапе речь идет не о репутационном ущербе, а о финансово значимом факторе дестабилизации».

Документ не давал окончательных ответов. Но он давал карту: даты, фамилии, номера грантов, судебные акты, медийные всплески, экспертные заключения. Этого было достаточно не для приговора, а для приказа о независимой проверке.

На последнем листе, в самом низу, мелким шрифтом значилась подпись: «Ведущий аналитик Ситуационного центра Администрации Президента РФ А. Воронов».

Президент закрыл синий регистратор. Тишина в кабинете казалась теперь не признаком стабильности, а симптомом глухоты. Аппаратная картина, которую ему годами подавали как цельную, дала трещину. Возможно, трещина окажется уже, чем описал Воронов. Возможно, шире. Но игнорировать ее было нельзя.

Он не испытывал паники. Только холодную, расчетливую ярость государственника, обнаружившего, что фундамент его здания мог быть подточен изнутри, а охрана могла слишком долго смотреть не туда.

Если Сазонов контролирует маршрутизацию документов и способен вымарывать абзацы из экстренных сводок, значит, доверять официальным каналам связи по этой линии больше нельзя без дополнительной проверки. Любой приказ, спущенный по линии ФСБ, может быть перехвачен, задержан или искажен. Система показала признаки внутреннего конфликта интересов.

Президент пододвинул к себе массивный блок правительственной связи АТС-1. На панели тускло светились десятки кнопок с фамилиями высших должностных лиц. Его палец завис над рядом, где располагались прямые вызовы директора ФСБ и секретаря Совета Безопасности. Он отвел руку в сторону.

Слепая зона системы всегда находится на стыке ведомственных интересов. Чтобы проверить информацию вне возможного влияния Сазонова, требовалось действовать вне

их протоколов. Он нажал кнопку прямой связи с руководителем Администрации. Соединение установилось мгновенно, без гудков.

— Слушаю, Владимир Владимирович, — раздался из динамика собранный голос главы аппарата.

— Отмените все встречи до 14:00, — ровным, не терпящим возражений тоном произнес президент. Взгляд его оставался прикованным к синей обложке экономического досье. — И найдите мне сотрудника Ситуационного центра. Ведущий аналитик Артур Воронов.

— Понял. Оформить пропуск через службу безопасности?

— Никаких согласований с ФСБ. Никаких проверок по линии Второй службы, — жестко отрезал глава государства. — Отправьте за ним офицеров личной охраны. Провести через президентский шлюз. Он должен быть в моем кабинете через пятнадцать минут. Исполнять.

Он опустил трубку на рычаг. Это еще не было очищением. Не было победой. Не было даже началом открытого расследования. Пока это был только первый разрыв в привычном маршруте команд: один человек наверху решил проверить документ не через тех, кто мог быть в нем заинтересован. Бюрократическая машина продолжала работать как прежде, но в ее тишине впервые появился посторонний звук.

Глава 15. Доклад Государю

Два офицера личной охраны шли на полшага впереди, задавая темп. Их маршрут пролегал через анфиладу коридоров, где обычный паркет давно сменился специальным звукопоглощающим покрытием. Артур Воронов следовал за ними, держа спину неестественно прямо. Воздух в этой части комплекса на Старой площади казался более плотным, отфильтрованным от любых примесей и запахов. Здесь не было случайных людей, не было суеты клерков или звона телефонов. Только приглушенный стук шагов и равномерный гул скрытых климатических установок.

Для аналитика Ситуационного центра этот путь был переходом через невидимую границу. Вся его карьера строилась на работе с цифровыми тенями — метаданными, логами, отчетами, которые он собирал, структурировал и отправлял наверх, оставаясь безымянным винтиком в механизме принятия решений. Сейчас механизм дал сбой, и винтику пришлось физически переместиться в эпицентр власти.

Офицеры остановились перед массивными двустворчатыми дверями. Один из них коротко кивнул дежурному секретарю. Створки бесшумно разошлись в стороны. Воронов шагнул внутрь.

Кабинет главы государства подавлял своими размерами, но при этом был абсолютно функционален. Никаких лишних деталей, отвлекающих внимание. За длинным столом для совещаний никого не было. Хозяин кабинета сидел за своим рабочим местом в глубине помещения.

На зеленом сукне столешницы идеальной линией были выложены документы. Красная папка экстренного доклада ФСБ лежала закрытой на самом краю, словно отработанный и отложенный в сторону материал. Прямо перед Президентом лежал раскрытый синий регистратор — экономическое досье по угольным бассейнам. Страницы были перевернуты на разделе дополнительных справочных материалов. Глава государства поднял взгляд. В его глазах не было ни удивления, ни раздражения. Только предельная, сканирующая концентрация человека, привыкшего оценивать людей как инструменты.

— Проходите, Воронов, — голос прозвучал ровно, без интонационных акцентов. — Садитесь.

Аналитик подошел к приставному креслу и опустился на жесткое кожаное сиденье. Он положил руки на колени, ожидая первого удара. В иерархии государственного аппарата нарушение субординации такого уровня каралось немедленным уничтожением карьеры.

Президент опустил ладонь на открытые страницы доклада.

— Я внимательно изучил ваш материал, — произнес он, глядя прямо на Воронова. — Документ составлен грамотно. Фактура плотная. Но прежде чем мы перейдем к каким-либо решениям, вы ответите на три вопроса. Четко и по существу.

— Слушаю вас.

— Вопрос первый, — Президент сдвинул синюю папку на пару сантиметров. — Финансовый блок. Вы приводите данные о нескольких грантовых периодах и связанных платежах, выделенных Центру священномученика Иринея Лионского. Утверждается, что часть этой активности могла быть связана не только с заявленными социальными проектами, но и с медийными кампаниями против религиозных меньшинств. Как именно структура Александра Дворкина могла обходить формальный контроль целевого расходования? Целевое расходование бюджетных средств проверяется Счетной палатой.

Воронов выровнял дыхание. Это была его территория — территория цифр и алгоритмов.

— Казначейский контроль работает по формальным признакам, — начал аналитик, стараясь говорить максимально сухо. — Целевое назначение в документах указывалось как «оказание юридической и психологической помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект». Для проверяющих инстанций это выглядит как легитимный социальный проект. Однако анализ контрагентов показал, что первичные получатели грантов в ряде случаев направляли средства подрядчикам и индивидуальным предпринимателям, связанным с той же региональной антикультовой средой.

Воронов сделал короткую паузу, убедившись, что его слушают.

— Эти ИП по открытым данным и косвенным связям пересекались с региональными участниками антикультовой сети. По документам они оказывали консультационные услуги. По факту, судя по дальнейшим платежам и медиаследам, могли закупать трафик в социальных сетях, оплачивать размещение заказных статей в региональной прессе и финансировать выезды так называемых экспертов-сектоведов в суды. Система контроля видела только первый уровень транзакций, который был юридически безупречен.

Президент медленно кивнул, принимая ответ. Механика освоения средств под прикрытием благой цели была ему знакома, но масштаб и системность процесса требовали уточнения.

— Вопрос второй, — продолжил глава государства. — Временной паттерн. Вы утверждаете, что между рядом зачислений и началом публичной активности проходил устойчивый короткий интервал. Вы исключаете алгоритмическую погрешность или совпадение?

— Полностью исключать совпадение нельзя, — ответил Воронов. — Мы провели перекрестную проверку через базы медиамониторинга, судебные даты и открытые отчеты по проектам. Всплески активности повторялись слишком регулярно, чтобы их можно было списать только на органику. Две-три недели — нормальный цикл подготовки кампании: текст, согласование, подбор площадок, региональная раскрутка. Это показывает существование единого центра по координации.

Президент взял карандаш и сделал короткую пометку на полях доклада.

— Третий вопрос, — глава государства отложил карандаш. — Источники. Откуда у вас первичная финансовая фактура? В ведомственных базах ФСБ и МВД этих проводок нет. Если бы они там были, система мониторинга Администрации зафиксировала бы их еще три года назад.

— Первичный массив данных был получен из открытых источников, — Воронов смотрел прямо в лицо собеседнику.

Брови Президента едва заметно сдвинулись.

— Вы строите доклад о критической угрозе национальной безопасности на базе информации в интернете?

— Никак нет. Эта информация стал лишь отправной точкой, — парировал Воронов. — Мы использовали эти данные как матрицу. Затем я прогнал полученные даты, фамилии и суммы через закрытые ведомственные сводки, реестры судебных решений и логи Экспертного совета Минюста. Открытые данные во многих ключевых точках совпали с закрытой фактурой. Метаданные не противоречили заявленному происхождению файлов. Тексты судебных актов, которые мы выгрузили из государственной системы ГАС «Правосудие», содержат повторяющиеся формулировки, совпадающие с шаблонами из архива.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Президент смотрел на аналитика, оценивая вес сказанного. Государственная машина, которую он выстраивал десятилетиями, оказалась уязвимой не только для внешнего давления, но и для чужой экспертной логики, внедренной внутрь официальных процедур.

Глава государства перевел взгляд на синюю обложку регистратора.

— Допустим, часть фактов подтвердится. Но почему этот документ лежит передо мной в папке Минэнерго, замаскированный под справку о социальной напряженности

среди шахтеров? Почему вы не подали его по официальным каналам Ситуационного центра?

Воронов ждал этого вопроса. Он расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана сложенный вдвое лист бумаги формата А4.

— Потому что официальный канал оказался заблокирован на уровне, который я не мог обойти штатно, — аналитик положил лист на край стола и пододвинул его к Президенту. — Вчера ночью я попытался зарегистрировать предварительную версию этого доклада через систему межведомственного электронного документооборота. Через восемнадцать минут система выдала отказ с кодом 403-В. Это блокировка на уровне куратора профильного управления. Сразу после этого мой рабочий терминал был физически изолирован от внутренней сети Кремля по протоколу жесткой блокировки.

Президент развернул лист. Это была таблица с колонками цифр, таймкодами и IP-адресами.

— Что это? — спросил он, изучая столбцы.

— Выгрузка системных логов доступа к серверу архива, — пояснил Воронов. — Я успел сделать ее до того, как порт отключили. Обратите внимание на выделенные строки. Идентификатор пользователя — UID 004-7А. Он закреплен за административным контуром, которым пользуется аппарат генерал-майора Сазонова, куратора Второй службы ФСБ.

Аналитик подался вперед, опираясь предплечьями о колени.

— Здесь зафиксирован не только отказ в маршрутизации. Здесь есть обращения к архивным отчетам региональных управлений из Томска за 2010 год и из Перми за 2013 год, а затем изменение их статуса хранения. Я не могу утверждать, что Сазонов лично удалял документы: это должен подтвердить технический аудит. Но действия шли через административный контур его управления. В этих отчетах, судя по сохранившимся копиям, фигурировали материалы о подготовке экспертиз совместно с функционерами антикультовой сети. После изменения статуса они перестали попадать в выборку для утреннего дайджеста.

Президент долго смотрел на распечатку. Логи не были приговором. Но они были достаточно серьезным основанием, чтобы немедленно сохранить серверные копии,

ограничить доступ заинтересованных лиц и передать материал техническим специалистам вне контура Сазонова.

Он понял механику произошедшего. Сазонов контролировал «красный контур» — секретный документооборот. Но он не имел доступа к рутинным экономическим сводкам, формируемым гражданскими управлениями. Аналитик нашел слепую зону на стыке ведомственных интересов и провел информацию сквозь нее.

В это же время в здании на Лубянской площади генерал-майор Сазонов сидел за своим рабочим столом. Перед ним на мониторе светилась служебная справка о новых мерах контроля информационного пространства. Инструментарий становился все более совершенным, но сейчас это уже не имело значения.

Тишину кабинета разорвал резкий, пульсирующий звонок аппарата правительственной связи АТС-1.

Сазонов неторопливо снял тяжелую бакелитовую трубку.

— Слушаю.

— Товарищ генерал-майор, — голос дежурного офицера ФСО из сектора безопасности Старой площади звучал напряженно. Это был один из негласных контактов Сазонова, человек, обязанный ему должностью. — У нас внештатная ситуация по периметру.

— Докладывайте.

— Первый отменил все запланированные встречи до 14:00. Включая доклад министра финансов. Пятнадцать минут назад по личному распоряжению главы государства через спецшлюз был проведен сотрудник Ситуационного центра. Фамилия Воронов. Досмотр проводился силами личной охраны, без привлечения наших специалистов. Сейчас объект находится в президентском кабинете.

Пальцы Сазонова сжались на трубке так, что побелели костяшки.

— Причина вызова? — его голос оставался ледяным, хотя внутри начала разворачиваться холодная пустота.

— Неизвестна. Указание поступило напрямую от руководителя Администрации.

— Принято. Конец связи.

Генерал аккуратно положил трубку на рычаг. Он не стал вскакивать или звать подчиненных. Его мозг, натренированный десятилетиями оперативной работы, мгновенно просчитал траекторию риска.

Воронов у Президента.

Сазонов вспомнил утренние кадры с камер видеонаблюдения. Две транспортные тележки. Бронированная «К-14» с красной папкой и обычная алюминиевая с синим экономическим досье. Офицер охраны на посту проверил только штрихкод и целостность пластиковой стяжки на синем регистраторе. Никто не вскрывал гражданские документы.

Аналитик не сдался. Он не стал писать жалобы или искать выходы на прессу. Он использовал саму структуру бюрократического аппарата против него. Внешняя оболочка документа стала транспортом для разоблачительной информации.

Игра еще не была проиграна. Но она перестала быть односторонней. Когда информация ложится на стол первому лицу в обход фильтров, аппаратный вес куратора не обнуляется сразу — он начинает зависеть от того, кто первым закрепит свою версию событий. Теперь вопрос стоял не только о сохранении контроля, но и о минимизации ущерба для всей архитектуры негласного влияния.

Сазонов открыл защищенный терминал и вызвал дежурного администратора короткой внутренней командой. Никаких истеричных жестов. Никаких демонстративных приказов уничтожить архивы. В такой момент грубая зачистка была бы признанием вины. Нужна была другая тактика: заморозить часть локальных доступов под видом регламентной проверки, вывести несколько чувствительных папок из обычной выдачи, перевести переписку по европейскому направлению в закрытый резервный контур и дождаться, какие именно вопросы задаст Первый. Он успел отдать только два коротких распоряжения — «перевести в режим технической ревизии» и «приостановить внешнюю синхронизацию». Третье осталось недописанным: на экране вспыхнуло уведомление о блокировке административного сеанса со стороны президентского контура ФСО.

В кабинете на Старой площади Президент аккуратно сложил распечатку с логами и убрал ее обратно в синий регистратор. Он закрыл папку.

— Вы понимаете, Воронов, что своими действиями вы нарушили десяток должностных инструкций и регламентов безопасности? — спросил глава государства.

— Так точно. Понимаю.

— И тем не менее, вы пошли на этот риск.

— Инструкции пишутся для обеспечения безопасности государства, — ровно ответил аналитик. — Когда сами инструкции становятся угрозой государству, следование им превращается в соучастие.

Президент смотрел на него несколько долгих секунд. В этой сухой, лишенной пафоса формулировке заключалась суть того интеллектуального противостояния, которое развернулось в тени правительственных коридоров. Машина подавления столкнулась с чистой логикой и впервые дала сбой.

Глава государства потянулся к блоку правительственной связи и нажал кнопку прямого вызова секретаря Совета Безопасности. Соединение установилось мгновенно.

— Слушаю, Владимир Владимирович.

— Собирайте малую группу, — голос Президента был жестким, как металл. — Срочно. Готовьте служебную записку о создании закрытой межведомственной группы предварительной проверки. Без публичных формулировок и без утечек. Предмет проверки — материалы, связанные с антикультовой сетью, структурами вокруг РАЦИРС, экспертными заключениями, грантовыми потоками и возможной фильтрацией информации в силовом блоке.

Он сделал паузу, глядя на сидящего перед ним Воронова.

— Далее. Свяжитесь с директором ФСО. До отдельного распоряжения ограничить доступ Сазонова и его аппарата к материалам, где фигурирует эта тема. Не задерживать. Не устраивать показательных действий. Заблокировать административные сеансы, сохранить серверные журналы, сделать зеркальные копии архивов, обеспечить контроль за выносом носителей и предупредить руководителя ФСБ, что проверка идет по линии Совета Безопасности и ФСО. Все действия — под протокол, без шума. Исполнять.

Президент опустил трубку. Ничего еще не рухнуло. Никто еще не был разоблачен публично. Ни один суд не отменил ни одного приговора. Но внутри закрытого аппарата появился новый контур — маленький, осторожный и опасный именно своей тишиной. Система, привыкшая фильтровать чужие документы, впервые сама стала объектом проверки.

Глава 16. Закрытое поручение

Текст документа формировался на экране защищенного терминала без единой помарки. Дежурный референт Совета Безопасности вводил формулировки с ледяной точностью, переводя устные распоряжения главы государства в строгий канцелярский формат.

«Закрытое поручение Президента Российской Федерации. Особой важности. О проведении предварительной межведомственной проверки материалов, касающихся возможной фильтрации информации, экспертного влияния на правоприменение и использования государственных средств в интересах антикультовой сети».

Артур Воронов стоял у окна рабочего кабинета, глядя на внутренний двор Сенатского дворца. За последние сорок минут архитектура власти, казавшаяся незыблемой, не изменилась, но в ней появилась трещина — узкая, почти незаметная, достаточная лишь для того, чтобы через нее прошел первый луч проверки. Президент сидел за рабочим столом, ожидая, пока защищенный принтер выдаст готовый документ. Синий регистратор с экономическим досье, выполнивший роль троянского коня, лежал сдвинутым на край столешницы.

— Пункт третий, — произнес глава государства, не поднимая головы. — Работу проводить вне административного контура подразделений, упомянутых в материалах проверки. Координация — через аппарат Совета Безопасности и руководителя Администрации. Техническое сохранение данных и режимный контроль — через ФСО. Процессуальные решения — только после первичной верификации и доклада малой группе.

Референт бесшумно ударил по клавишам, фиксируя редкое, но не невозможное аппаратное решение: проверять информацию не через тот контур, который сам оказался предметом подозрения.

Принтер выдал плотный лист бумаги с водяными знаками. Референт вложил его в тонкую кожаную папку и подал Президенту. Тот взял ручку, бегло просмотрел текст, задерживаясь на пунктах, касающихся структур вокруг РАЦИРС и роли отдельных экспертов в религиоведческих заключениях. Подпись легла на бумагу резким, угловатым росчерком.

— Документ вступает в работу с этой минуты, — Президент закрыл папку и посмотрел на Воронова. — Ваша аналитическая записка стала основанием для закрытой предварительной проверки. Не уголовного дела. Пока — проверки. Вы и ваша коллега Родионова будете привлечены как специалисты-аналитики. Доступ — только к тем массивам, которые будут открыты решением малой группы. Охрана — не привилегия, а режимная необходимость. Вы слишком много знаете и слишком многим мешаете.

— Понял вас, — коротко ответил Воронов.

— Вы вскрыли только первый слой, — добавил глава государства, и в его голосе прозвучала жесткая, прагматичная оценка ситуации. — Финансовые транши и повторяющиеся экспертные формулы — это еще не приговор. Мне нужна проверяемая картина: кто согласовывал выводы, как документы попадали в суды, где проходили деньги и кто в силовых ведомствах мог фильтровать информацию. Без публицистики. Без красивых гипотез. Только то, что выдержит аудит, процесс и чужую экспертизу.

В кабинете на четвертом этаже здания на Лубянской площади генерал-майор Сазонов сидел за рабочим столом и смотрел на уведомление, которого не должно было быть: административный сеанс ограничен решением президентского контура связи. Попытка перевести часть папок в режим технической ревизии зависла на середине. Серверные копии, журналы доступа и резервные индексы уже были выведены из-под его прямого контроля.

Цифровые следы не были уничтожены. И именно это было хуже всего. Локальные следы еще можно было объяснить регламентом, но серверные журналы жили дольше людей, которые пытались ими управлять.

На столе лежала раскрытая папка с архивными материалами КГБ за 1984 год. Сазонов некоторое время смотрел на страницы, не трогая их. На верхнем листе была сухая архивная формулировка о работе с агентурными позициями в религиозной среде. Материал не доказывал связи с сегодняшним делом напрямую, но показывал главное: методы контроля над религиозной сферой не возникли вчера. Они имели длинную ведомственную память.

Сазонов понимал, что его карьера оказалась под угрозой. Вопрос заключался не в том, по какой статье он пойдет под суд, а в том, кто первым закрепит рамку происходящего: он — как регламентную проверку утечки, или они — как саботаж президентского информирования. Архивы могли стать частью большой версии о

преемственности методов. Но версия — еще не доказательство. А доказательства теперь начинали собирать не его люди.

Он потянулся к телефону внутренней связи, когда электронный замок на массивной дубовой двери щелкнул. Сазонов замер. Система контроля доступа в его сектор была автономной. До сегодняшнего утра он был уверен, что никто не войдет без его личного подтверждения.

Створка открылась. На пороге стояли трое мужчин в строгих темных костюмах. На их лацканах не было ведомственных значков, но выправка и синхронность движений выдавали офицеров Службы безопасности президента. Впереди стоял полковник ФСО с пластиковой планшеткой в руке.

— Генерал-майор Сазонов, — голос полковника был лишен эмоций, он констатировал факт. — Ваш административный доступ временно ограничен до завершения технической проверки. Просьба отойти от терминала и не пользоваться средствами связи до прибытия представителя руководства службы.

Сазонов медленно выпрямился. Он посмотрел на планшетку в руках полковника.

— Вы нарушаете внутренний регламент здания, полковник, — ровно произнес генерал. — Проведение оперативных мероприятий в отношении высшего офицерского состава ФСБ требует санкции директора службы и присутствия сотрудников УСБ.

— Идет не оперативное мероприятие, а режимное обеспечение сохранности материалов по поручению первого лица, — полковник шагнул в кабинет, двое офицеров остались у двери. — Доступы приостановлены. Помещение ставится под контроль до прибытия комиссии. Просьба передать служебные носители, которые находятся при вас, и оставаться в кабинете.

— Это изъятие? — спросил Сазонов.

— Это обеспечение сохранности, — ответил полковник. — Все процессуальные формулировки будут даны теми, кто имеет на это полномочия.

Генерал опустил взгляд на свои руки. Он строил информационный саркофаг вокруг Президента годами, отсекая неудобную правду, фильтруя сводки, направляя гнев государства на искусственно созданных врагов. Он верил, что управляет процессом. Но один аналитик, использовавший слепую зону бюрократии, нарушил ее герметичность.

Сазонов медленно расстегнул пиджак, достал из наплечной кобуры пистолет Макарова и положил его на край стола. Рядом легло красное удостоверение. Офицер ФСО отключил терминал от пользовательского сеанса, не вскрывая системный блок. Второй опечатал сейф и ящик стола бумажными лентами с номерами.

— До прибытия комиссии вы остаетесь здесь, — сказал полковник. — Без внешних звонков.

Елена Родионова сидела в изолированном помещении гостевого сектора Администрации Президента. Два часа назад следователь УСБ, который допрашивал ее и угрожал уголовным делом за деанонимизацию сотрудника ФСБ, внезапно побледнел, получив звонок по спецкоммутатору. Он молча собрал бумаги, вернул ей паспорт и покинул комнату. С тех пор она ждала.

Дверь открылась, и в помещение вошел Артур Воронов. В его руках были два пластиковых прямоугольника на черных ланъярдах.

— Собирайся, — сказал он, кладя один из пропусков на стол перед ней.

Елена посмотрела на пластик. Это был не стандартный синий бейдж сотрудника мониторинга. Карточка имела темно-красную полосу временного допуска и голографическую печать СБП. На обороте значилось: «Сопровождение обязательно. Доступ по списку помещений».

— Что это? — она подняла пропуск, чувствуя его непривычную плотность.

— Временный допуск, — Воронов присел напротив. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалось предельное напряжение. — Поручение подписано. Сазонова не задержали. Ему ограничили доступ и поставили кабинет под контроль до прибытия комиссии. УСБ ФСБ не будет вести эту проверку единолично. Нас привлекают как специалистов. Прямого доступа ко всему не будет. Но теперь каждый отказ должен будет оставлять след в протоколе.

Елена медленно выдохнула. Давление, которое давило на нее последние сутки, не исчезло. Оно только сменило форму: вместо страха перед допросом пришло понимание масштаба работы, в которой любая ошибка могла уничтожить их обоих.

— Значит, папка дошла, — тихо сказала она.

— Дошла. Форма обошла один фильтр, — кивнул аналитик. — Но это только начало. Президент дал не карт-бланш, а возможность доказать, что мы не ошиблись. Нам

придется подтвердить финансовую линию, экспертизы, судебные совпадения и международные связи. И нам придется поднимать дела, которые пылились в архивах десятилетиями.

Они вышли из гостевого сектора и направились к лифтам. С новыми пропусками посты охраны сверяли их по спискам, но не задерживали. Бюрократическая машина не подчинилась им безоговорочно. Она просто увидела новый маркер допуска и перестроила маршрут.

Спустившись на минус третий этаж, в зону защищенных коммуникаций, Воронов приложил пропуск к считывателю гермодвери с табличкой «Сектор “Д”. Рабочая группа». Замок сработал после короткой паузы.

Внутри находилась небольшая аппаратная. В отличие от привычного Ситуационного центра, здесь не было десятков рабочих мест. Только два кресла, массивный стол с тремя широкоформатными мониторами и отдельная серверная стойка за стеклянной перегородкой. Воздух был сухим и холодным.

— Этот кластер физически не подключен к ведомственным сетям МВД или ФСБ, — пояснил Воронов, включая питание терминала. — Но это не значит, что мы можем брать что угодно. Пока здесь только зеркальные копии тех материалов, которые успели сохранить, и защищенный канал для запросов. ГАС «Правосудие», Росфинмониторинг, архивы спецслужб — всё через формальные поручения малой группы. Никто не сможет просто нажать кнопку и открыть нам всю страну.

Елена достала из кармана свою флешку — ту самую, на которую она сохранила первичный массив данных и результаты своего OSINT-расследования по европейским связям Дворкина.

— С чего начнем? — спросила она, вставляя накопитель в порт.

Воронов вывел на центральный экран пустую матрицу аналитической программы.

— С проверки тех эпизодов, где антикультовая риторика могла влиять на решения силовиков, — ответил он. — Не с обвинений. С верификации. Открой материалы по Пензе. Дело затворников 2007 года.

Елена быстро нашла нужную директорию. На экране появились отсканированные страницы рапортов, фотографии оцепления и выдержки из прессы.

— Официальная версия гласила, что группа ушла под землю в ожидании конца света, — произнесла она, пробегая глазами текст. — В открытых источниках говорится о 35 человек, подземном убежище, переговорах, обрушениях и двух погибших женщинах. Но здесь есть и показания о давлении со стороны местных жителей до ухода в пещеру. Их нужно проверять отдельно.

«…местные хулиганы и алкоголики начали приходить, убивать собак, избивать Виталия Недогона… и преследовать его 14-летнюю дочь Олечку, мы решили уйти под землю…»

— Возможная схема эскалации, — Воронов указал на абзац. — Не доказанная. Но важная. Если маргинальную группу сначала изолируют, пугают и загоняют в угол, а потом силовой аппарат получает удобную картинку «опасной секты», это нужно изучать. Особенно если в медиасопровождении появляются одни и те же эксперты.

Он вывел на экран справку из открытой подборки прессы.

«В ноябре 2007 года 35 человек укрылись в заранее оборудованном подземном убежище в Пензенской области».

— Силовой сценарий тогда обсуждался в прессе и ведомственных кругах, — сказал аналитик. — Но прямых доказательств, что Дворкин или РАЦИРС управляли действиями силовиков, у нас пока нет. Сравнение с Уэйко допустимо только как предупреждение о риске силового финала, а не как обвинение.

— То есть не «попытка устроить Уэйко», — уточнила Елена.

— Именно. Пиши осторожнее: «Пенза-2007. Риск силовой эскалации вокруг религиозной группы. Проверить роль внешних экспертов в медиасопровождении и ведомственных рекомендациях».

Елена кивнула, создавая на пустой матрице первый смысловой узел.

— Это не единственный регион, где антикультовая риторика могла усиливать конфликт, — она открыла папку с пометкой «Северный Кавказ». — Здесь материалы по публичным заявлениям Романа Силантьева и региональным спискам неблагонадежных исламских деятелей. Но выводы очень сырые.

На экране появились выдержки из мониторинга региональной прессы и отчеты правозащитников.

— Убийства имамов, мусульманских проповедников и общественных деятелей, — зачитала Родионова. — Часть авторов утверждает, что жесткая риторика борьбы с терроризмом могла выдавливать умеренных лидеров и оставлять вакуум для радикалов. Но это не доказывает прямую роль РАЦИРС.

Она перевела взгляд на Воронова.

— Формулировать как риск?

— Как гипотезу для проверки, — ответил он. — Нам нужно показать Президенту не страшную картинку, а карту вопросов. Где антикультовая риторика совпадала с силовыми решениями. Где эксперты влияли на формулировки. Где после их публикаций начинались проверки. Только так.

— Что у нас по международному вектору? — спросила Елена. — Сазонов защищал Дворкина не из религиозных убеждений. Возможно, Лубянка использовала его статус в FECRIS как канал влияния.

Елена вывела на правый монитор схему, которую она собрала во время своего отстранения. Красные линии соединяли Москву, Париж и Брюссель.

— Александр Дворкин занимал пост вице-президента FECRIS, — начала она, открывая досье. — Организация имела европейский статус и получала публичную поддержку во Франции. Но цифру «девяносто процентов бюджета за счет MIVILUDES» нужно подтверждать отдельно. Без первичных финансовых документов мы ее не ставим в доклад.

Она кликнула на файл с именем Антона Хейна.

— Здесь еще один блок. Антон Хейн, основатель Apologetics Index. В подборке есть судебные документы из США и материалы критиков, где говорится о его уголовном прошлом и проблемах с регистрацией.

Елена развернула отсканированный PDF-документ.

— Я предлагаю оставить как справку для внутренней проверки: «Проверить надежность публичных источников, судебные записи и характер контактов с международной антикультовой средой». Без слов «педофил», «беглый преступник» и без вывода, что сеть предоставляет ему прикрытие.

Воронов внимательно изучал документ.

— Правильно. Любой адвокат развалит такой блок за пять минут, если мы построим его на чужой публицистике. Нам нужны первичные судебные записи, даты, юрисдикция, статус ордера и подтвержденные связи. До этого — только рабочая гипотеза.

— Тогда дело Жанны Цареградской тоже нужно подавать осторожно, — сказала Родионова, открывая справку по центру перинатального воспитания «Рожана». — Там действительно были обвинения в создании секты, уголовный конфликт и медийная кампания. Но связка с конкурентами на рынке и «рейдерским захватом» требует отдельного экономического анализа.

На экране появилась выдержка из медийной подборки:

«В 2006 году Цареградскую обвинили в руководстве сектой, замаскированной под перинатальный центр…»

— Значит, пишем не «классический рейдерский захват», — резюмировал Воронов. — А «пример использования сектантской рамки в конфликте вокруг социально-коммерческого проекта». Проверить, кто инициировал публикации, кто давал экспертные комментарии, какие бизнес-интересы могли быть рядом. И только потом делать выводы.

Он встал и подошел к центральному монитору, где матрица расследования начала заполняться узлами, датами и фамилиями. Картина, которая вырисовывалась перед ними, была не такой простой, как хотелось бы. Не черная паутина с одним центром. Скорее сеть пересечений: идеология, деньги, личные связи, ведомственные интересы, медийная выгода и человеческий страх.

Это было хуже красивой версии заговора. Потому что такую систему нельзя было обезглавить одним приказом.

— Они не обязательно управляют всем напрямую, — тихо сказал Воронов, глядя на экран. — В этом и опасность. Иногда достаточно дать людям язык ненависти, и дальше система начинает говорить сама. Судья берет готовую формулу. Журналист — страшный ярлык. Чиновник — удобное объяснение. Следователь — экспертное заключение. И каждый думает, что просто выполняет свою маленькую часть работы.

Елена положила руки на клавиатуру.

— У нас есть временный допуск, — произнесла она, глядя на свой пропуск. — Есть защищенная комната. Есть часть фактуры. Что мы делаем дальше?

Воронов вернулся в свое кресло. Его лицо было спокойным, движения — методичными и точными. Не было торжества. Не было ощущения победы. Только тяжелая усталость человека, который понимает: теперь они отвечают не за красивое разоблачение, а за каждую строчку, которую потом будут проверять враги.

— Мы начинаем проверку. Сначала список дел, где использовались экспертизы Экспертного совета Минюста после 2009 года. Потом — судебные формулировки. Потом — грантовые отчеты и подрядчики. Потом — медийные кампании. По каждому узлу ставим степень надежности: подтверждено, требует проверки, гипотеза, недопустимо к использованию.

Елена ввела первую команду. На пустом холсте визуализации появились не тысячи точек, а несколько десятков начальных узлов. Серверный кластер ответил ровным, негромким гулом. За стеклянной перегородкой мигнули индикаторы.